

Александр Режабек

ВОЛЧАРА

Александр Евгеньевич Режабек Волчара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28264350

SelfPub; 2017

Аннотация

Маше Пономаренко, начинающей актрисе, улыбнулась удача: маститый режиссер берет ее на одну из главных ролей в сериале. Казалось бы, все прекрасно. В компании молодых людей она принимает участие в полушутливом спиритическом сеансе. Его участники задают потусторонней силе вопрос, кого из них в скором времени ждут невзгоды. Рок указал на Машу. И действительно, началась череда зловещих событий, все более приближающих неизбежную беду...

Я знал, что уже пора вставать, но это ужасно не хотелось делать. Рядом лежала Машка, как всегда, разметавшись во сне и вытеснив меня почти полностью с моей половины. Я легонько поцеловал ее в плечо. В эти утренние минуты она выглядела особенно соблазнительной, хотя злилась, когда я начинал к ней приставать. Я нехотя встал и пошел в ванную, где побрился и почистил зубы. Это повышало мой шанс исполнить с Машенцией некий старинный, почитаемый многими, обряд единения мужского и женского начал. Та уже не спала и подозрительно на меня поглядывала. Взгляд моих голодных глаз очевидно ничего хорошего не предвещал.

– Можешь губы не раскатывать, – решительно сказала она. – Я не хочу, и вообще еще не умылась.

Чтобы понять сказанное женщиной, никогда не нужно воспринимать буквально то, что она говорит. Если бы она просто сказала «не хочу» – это, скорее всего, и было бы «не хочу и не буду». Но добавление, что она еще не умытая, полностью меняло смысл фразы. «Солнышко, – про себя мурлыкнул я, – ты не отказываешь, а просто хочешь привести себя в порядок и вкусно пахнуть».

И я театральным жестом показал ей на дверь ванной.

– Прошу вас, мадемуазель.

Но вместо того, чтобы пойти туда, она включила телевизор.

– А ящик-то нам зачем? – удивился я.

Машка обиженно на меня посмотрела.

– Ты что, забыл, что я снялась для рекламы? Меня вот-вот должны показать перед новостями.

Я действительно забыл. Машка была начинающей актриской, и ей было жизненно необходимо стать узнаваемой. Она хваталась за все, включая рекламу. Я терпеливо сел и внимательно, как на старого друга, встреченного после долгих лет разлуки, уставился на экран. И в самом деле, после нескольких совершенно бредовых роликов появилась моя Машка. На фоне игрушечного псевдодеревенского домика в окружении таких же игрушечных детей она рекламировала какой-то сок. Самый-пресамый натуральный в мире. Я как-то запивал им водку. Гадость, пахнущая канцелярским клеем.

– Ну как? – строго на меня глядя, спросила Машка. – И не вздумай говорить, что это не Станиславский и даже не Тарантино. Это просто кусок хлеба.

– Чудесно, – довольно искренне ответил я. – Особенно в сравнении с другими. Ты без сомнения удалась. Режиссер оказался на высоте. Какой полет фантазии. Он одел тебя в короткое расклешенное платьице альпийской гретхен и вместе с одетыми, как маленькие гансики, детьми впихнул в антураж русской деревни. Особенно, к моему и, полагаю, зрительскому удовольствию, ему удалось твои стройные ножки, которые соблазнительно мелькали, открываясь то пониже, то повыше.

Машка засмеялась.

– Ты просто сексуальная скотина.

Дальше пошел бессмысленный текст, но в итоге, несмотря на утренний просмотр рекламы, утро оказалось прожитым не зря.

На работе же была обычная заморочка. Подписи, звонки, эсэмэски. Директора, Тимура Арсеньевича, как обычно, не было, и отдуваться пришлось мне, его первому заместителю. Но своей работой в целом я был доволен. Меня и моих коллег, как догадался бы любой дурак, за глаза прозвали «Тимур и его команда», хотя мои отношения с боссом были достаточно сложны. Он ценил меня за деловые качества, но всегда сдерживал в попытках проявить излишнюю самостоятельность.

Сам он – из бывших партийных номенклатурщиков. А те всегда умели есть из всех кормушек. Среди них Тимурчик относился к умеренным, наверное, потому что был умным. Он без сомнения был конформистом и, когда надо, дружил с необходимыми, пусть не всегда приятными людьми. А главное, у него было существенное преимущество: на откровенную подлость босс способен не был. Поэтому наша фирма со всеми сохраняла хорошие отношения, и нам не грозили ни прокуратура, ни бандитские наезды. У Тимура были неплохо налажены связи и с бандюками, и со слугами народа. Хотя этими связями он пользовался только в крайнем случае. И не без причин. Во-первых, обязываться Тимур не любил. Во-вторых, он был до смешного честен в делах. И, в-третьих,

ему это не надо было. Босс был старомоден. Не упуская явной выгоды, он не стремился к обогащению и власти любой ценой. У него, слава богу, было более чем предостаточно денег, но он не строил себе дворцы а-ля арабский шейх, не ездил на самых дорогих иномарках и в строгости держал своих взрослых детей, не давая тем транжирить папины деньги. В общем, он был в какой-то степени атавизм, хотя такими, наверное, и надо было бы быть всем нам. И, наконец, мой босс в деловом отношении гениально устроился. Имея приличные доходы, он оставался только директором, а не хозяином. И в проблемных случаях любил делать вид, что он человек маленький. Руководимая им компания была не самой большой частью огромного объединения, принадлежавшего господину Кагановскому, олигарху, который весьма ценил честность и умеренность Тимура.

Я – другой. Мне нравится разумный риск. Я уверен, что человек имеет право насладиться жизнью до того, как состарится и превратится в того же Тимура. Но приходилось себя сдерживать и подлаживаться под непосредственного начальника. Тот же, надо отдать должное, старался прислушиваться ко мне, но, так сказать, в определенных рамках. Сочетал политику кнута и пряника. То рекомендовал остудить голову, то оставлял на меня руководство компанией и говорил, что у него нет лучшего преемника. Ему, кстати, было 57, а мне 37, и как-то на каком-то рауте он сказал, что через пару-тройку лет на все плюнет и начнет с женой разводить цветы. Что ж,

вероятно, имело смысл подождать.

Но мне, обыкновенному человеку, хотелось большего. Я был уверен, что Тимур меня все-таки недооценивает. Он и представить не мог, от какого количества выгодных, хотя и немного рискованных предложений мне приходилось из-за него отказываться. Я уж не говорю о соблазнительных и таинственных конвертиках, которые я всегда отвергал. Хотя я не ангел и с удовольствием отправился бы в круиз по Средиземному морю, оплаченный кем-то за оказанную мной услугу. Мне это не кажется нечестным. Просто необходимо соблюдать меру. Но, возможно, я так думаю потому, что до последнего времени мне не предлагали действительно крупную взятку.

И вот теперь это случилось. Я должен был всего-то посодействовать тому, чтобы фирма вложила деньги в строительство междугородного скоростного шоссе по типу немецких автобанов с перспективой дохода от эксплуатации самой дороги и сопутствующей ей инфраструктуры.

Такое предложение бывает, может, раз в жизни, но меня смущала настойчивость обратившихся ко мне бизнесменов, представлявших некую фирму «Сибирские дороги». Хотя те объяснили ситуацию просто и логично. А может, даже и правдиво. Это была, так сказать, история очень «нашенская».

Решили как-то большие, высоко сидящие дядечки уда-

ритель в который раз по бездорожью в стране и в связи с этим строго погрозили местным властям пальчиком. Давайте, мол, стройте. Но пилюльку все-таки подсластили и пообещали частичное базисное финансирование из средств госбюджета. Засуетились местные начальнички, надо ведь указивку выполнять. Только сверху не объяснили, куда дороги-то прокладывать. Страна вон какая большая. И куда ни плюнь, везде одно и то же, и всем дороги нужны. А их-то родимых, да еще и хороших, как раз и нет, разве что единичные и не шибко длинные. И все правительственные. Вот тогда-то один из молодых да ранних губернаторов возьми и брякни на каком-то совете. А давайте соединим дорогой наши сибирские Уганск и Нежинск. А между ними на минуточку девятьсот километров. Идея вовсе не была глупой. Оба города бурно развивались, а железнодорожники давно уже не справлялись. Обрадовались все, засуетились. Начали совещания собирать, проводить консультации и экспертизы. И дело было совсем на мази, как вдруг вышел какой-то го-счин от больших дядечек и сказал:

– Знаете, ребята, а из федерального бюджета денег вам не обломится. Самим мало. Так что объявляйте конкурс. Может, кто и согласится.

Это все, конечно, шуточки, но смысл был приблизительно такой. Поначалу эти «Сибирские дороги» из Нежинска ухватились за эту идею. Но достаточного количества денег у них не оказалось. Они было наивно подумали, что под та-

кой проект им любая компания сколько надо отстегнет, да не тут-то было. Никто без гарантий господдержки в проект, существующий только на бумаге, деньги вкладывать не хотел. Вот они в итоге и обратились к нам.

Я, как принято, мило с ними пообщался, угостил кофе и попросил оставить документацию. Бумажки выглядели достаточно убедительно, но я и не ожидал ничего другого. В наше время слепить правдоподобный документ может любой старшеклассник с компьютером, а более серьезные ксивы просто можно купить. Поэтому, следуя обычной процедуре, я позвонил нашим пинкертонам. Мы давно работали с небольшим сыскным агентством, которое оказывало нам услуги по проверке надежности и платежеспособности партнеров. Правда, и драли они с нас за это немало.

Но, на удивление, все было чисто и законно. И даже начальный весомый капитал у них был. Я показал документы и результаты проверки Тимуру. Тот неопределенно хмыкнул.

– Это ведь не совсем наш профиль, Родион... Хотя деньги – деньги и есть. А сколько они просят?

– Говорят, что с учетом того, что есть, им, как минимум, нужны еще три миллиона, – ответил я.

Тимур задумался.

– Выглядит красиво, но что-то здесь не так. Я мало что понимаю в строительстве, но, по-моему, в таких случаях должна проводиться какая-то инженерно-геодезическая экспертиза. Или что-то в этом роде. Ты ее результаты видел?

Я пожал плечами.

– Еще нет. Я занимался в основном финансовой и юридической документацией.

Тимур согласно кивнул.

– Я так и думал. Так вот. Попроси-ка ты у своих новых друзей результаты этой экспертизы и организуй, чтобы их проверил независимый специалист.

Это было новой головной болью, но специалиста я нашел. А через неделю пришел письменный ответ. И он меня удивил. Оказалось, что вдоль тамошней реки Ужа, а это почти двести километров, вести дорогу, как предполагалось по плану, очень сложно и дорого. У меня возник законный вопрос, почему сибиряки выбрали именно этот, а не другой, более удобный путь. Ведь наверняка они не хуже нашего знали особенности своей геодезии и географии. И почему сунулись именно к нам, зная, что это не совсем по нашей части? На что рассчитывали?

И как раз в тот день я получил ответ на свой вопрос. Раздался телефонный звонок, незнакомый голос, представившийся Виктором Юрьевичем из «Сибирских дорог», предложил встретиться и обсудить наши общие дела во время обеденного перерыва в небольшом кафе неподалеку.

За маленьким столиком на двоих сидел незнакомый мужчина. Я говорю незнакомый потому, что он не был тогда у меня на приеме вместе с остальными. Хотя по виду можно было допустить, что он-то как раз и является начальником.

– Родион Николаевич! – обратился он ко мне. – Вы познакомились с документацией?

Я чуть замаялся. Виктор Юрьевич спокойно и выжидательно на меня смотрел.

– Видите ли, – начал я, – ваш проект выглядит замечательно и юридически оформлен безукоризненно, но есть маленькое «но».

– И в чем же оно заключается? – также невозмутимо спросил Виктор Юрьевич.

Я сделал сочувствующее лицо.

– Как вы понимаете, мы проверили все ваши документы. И вот акт инженерно-геодезической экспертизы вызвал некоторые вопросы. А вы, в чем я не сомневаюсь, прекрасно понимаете значимость этого документа. Так вот, его результаты с очевидностью говорят, что стоимость строительства может выйти далеко за рамки представленного вами бизнес-плана. При таких условиях наша компания не готова включиться в финансирование.

Виктор Юрьевич откинулся на стуле и положил ногу на ногу.

– И что, по вашему мнению, необходимо, чтобы ваша фирма все-таки заинтересовалась?

Я пожал плечами. Для меня моя миссия была уже закончена. Осталось только доложить Тимуру. Но игру еще следовало доиграть, и я чуть нетерпеливо махнул рукой.

– Представьте новый бизнес-план. И вообще решайте са-

ми. Может, дорогу нужно проложить в другом месте. Или еще что-то. Но, как вы понимаете, это все выходит за рамки моей компетенции.

– Вы пьете коньяк? – неожиданно спросил Виктор Юрьевич.

Я удивился неожиданному вопросу.

А мой собеседник продолжил:

– Давайте выпьем по рюмочке перед тем, как расстанемся.

«Что ему надо?» – недоумевал я, но старался не показывать вида. А Виктор Юрьевич все так же невозмутимо и молча отхлебнул принесенный коньяк, а затем неожиданно спросил:

– Родион Николаевич! Полмиллиона баксов наличными в ваших руках могли бы повлиять на позицию фирмы?

Я сделал усилие, чтобы удерживать глаза, пытавшиеся вывалиться наружу, а Виктор Юрьевич продолжал:

– Мне кажется, что вы с вашим опытом и нашей помощью могли бы спокойно открыть собственное дело.

Я не знал, что ответить. Полмиллиона – это большие деньги.

Виктор Юрьевич понимающе на меня посмотрел.

– Родион Николаевич! От вас никто не требует немедленного ответа. Подумайте. Деньги вы можете распределить по номерным счетам. Так о них никто не узнает. А само строительство начнется и будет вестись какое-то время по всем правилам и законам. У вас будет достаточно времени на перегруппировку сил. Другими словами, успеете, если не ду-

рак, замести следы.

Я решительно встал. И от того, что собирался сделать, так собой гордился, что казалось, будто на меня все смотрят.

– Виктор Юрьевич! Мне было очень интересно с вами общаться, но я вынужден ответить на ваше предложение категорическим отказом.

Сибиряк иронично, но беззвучно зааплодировал.

– Дорогой Родион Николаевич! Я прекрасно понимаю ваши мысли и ценю вашу порядочность, но при этом все же призываю не торопиться со скоропалительными решениями.

Я неопределенно пожал плечами.

– Не рассчитывайте, Виктор Юрьевич, что я изменю свой ответ. – Я помолчал, но любопытство все же взяло верх. – Но, если мы уже закончили с этой темой и болтаем просто так, то мне, как бизнесмену, ужасно хотелось бы знать, что бы вы стали делать, если б я согласился. Ведь, судя по масштабам проекта, даже и этих трех миллионов фирмы не хватило бы, чтобы его поднять.

Сибиряк засмеялся.

– Говорите, болтаем просто так... Забавно... Я не обязан это делать, но скажу. И даже не по секрету. Секрета в нашем плане нет, потому что все давно придумано до нас. Нужно только уметь вовремя воспользоваться опытом предшественников. Конечно же, денег вашей фирмы недостаточно. Но вы не учли маленькую деталь. Ваша контора является частью могущественного королевства, принадлежащего одно-

му влиятельному человеку. А это в бизнесе значит многое. Поэтому, когда мои друзья обратятся с этим же проектом и аналогичным предложением в другие фирмы, те, вероятнее всего, захотят поучаствовать, узнав, что в дело вовлечен такой известный человек как Кагановский. И тогда капитал «Сибирских дорог» значительно возрастет.

– А дальше? – не скрывая любопытства, спросил я.

Виктор Юрьевич снова засмеялся.

– А дальше нужно читать Ильфа и Петрова. Контора «Рога и копыта». Зищпредседатель Фунт пойдет в кутузку, а мы пропадем с деньгами в болотах Ужи.

Он сделал паузу.

– А знаете, Родион, я вам все-таки перезвоню.

Уже уходя, я обернулся.

– Виктор Юрьевич! А вы не боитесь быть столь откровенным?

Он еще раз оценивающе, как женщина соперницу, оглядел меня.

– Родион Николаевич! Мы же с вами неглупые деловые люди. Мне, что, нужно бояться, что вы кому-то расскажете о нашем разговоре? Да на здоровье. Вы в бизнесе не первый год. Человек, трубящий о том, что не взял взятку, автоматически попадает под подозрение как потенциальный мздоимец. Естественно, в лицо вас похвалят, а за спиной подумают, что вы не взяли не потому, что такой честный, а потому, что не сторговались. Не забывайте, что из принципи-

альных соображений за всеобщую справедливость борются только дураки. Мы же боремся сами за себя. Принимаете вы мое предложение или нет – это наше с вами личное дело. Поэтому расслабьтесь и живите спокойно.

Он замолчал и на прощание махнул мне рукой.

С Машкой я был знаком уже больше двух лет. Я помню, как первый раз увидел ее по дороге на деловое свидание из окна своей машины. Она с видом победительницы, присущим красивым женщинам, стояла у края тротуара в центре Москвы и голосовала. В ту пору я еще не получил желанную должность первого зама и активно барахтался в надежде на повышение. Но хотя у меня в тот день почти и не было свободного времени, ради этой девушки я рискнул изменить планы. В связи с этим накрылся медным тазом мой обеденный перерыв.

Я притормозил рядом с ней. Она привычно для тремпистов распахнула дверцу машины и одновременно строго, чтобы я ничего такого не подумал, и вежливо-приветливо спросила:

– Подвезете на Алтуфьевское?

Вот уж куда мне было совсем не с руки, так это туда, но я деланно равнодушно кивнул. Девушка стоила того, чтобы проявить к ней внимание.

– За сколько поедем? – задала она традиционный вопрос. Я, не глядя на нее, пожал плечами.

– Не беспокойтесь. Не ограблю.

Девушка насторожилась. Она все-таки не была наивной душой. Наверняка в ее сумочке лежало какое-нибудь дурацкое средство типа газового пистолета.

– Я привыкла договариваться заранее, – безапелляционно проговорила она.

Я оценивающе, как клиентку, а не женщину оглядел ее. На сколько же она может потянуть?

– Пятьсот? – как бы колеблясь спросил я, хотя меня интересовали не ее деньги, а она сама.

На ее хорошеньком личике отчетливо отпечаталась траектория крутящихся в голове шариков, но она кивнула.

Наступил второй этап встречи. Дорога. Я, спортивного вида молодой человек, вез в хорошей иномарке миленькое создание женского пола. А оно сидело рядом со мной и в соответствии с законами жанра не без опаски выжидало. Я ведь просто обязан был обратить на нее, такую красивую, внимание и попытаться познакомиться. И она соображала, как меня получше отшить. Но я молча рулил, сосредоточившись на дороге. До ее Тмутаракани с пробками в это время дня было не меньше часа с лишним езды. У меня было достаточно времени для того, чтобы попутчица начала разочаровываться в своих ожиданиях, и у нее разгорелось любопытство, что же за бесчувственный чурбан сидит рядом с ней. Минут через десять, чтобы разрушить завесу молчания, она спросила, можно ли ей курить. Я, не поворачиваясь, кивнул. Она до-

стала пачку ментоловых сигарет «Vogue» и прикурила. Скорее всего, она не была курильщицей, а держала сигареты так, для понта. Она просто набирала в рот и выпускала дым, хотя делала это не без изящества.

Мы проехали еще минут двадцать. Она, видимо, начала терять надежду, что я, как другие молодые мужчины, проявлю к ней хоть толику интереса. А я ее в этом не разубеждал.

И моя попутчица в конце концов сдалась, решив, что я, очевидно, отношусь просто к калымщикам на дорогах, и тачка, может, вообще не моя. Она полностью от меня абстрагировалась и стала с обиженно-равнодушным видом красить ногти и наводить марафет, как будто я вообще для нее не существовал. Разве что прокладки не стала менять.

«Интересно, к кому на Алтуфьевском шоссе ты такая едешь?» – подумал я.

В конце концов, мы добрались до места. Это был неплохой семнадцатизэтажный дом с зеленым двориком. Она протянула мне купюру. Та была единственной в ее кошельке.

– Не надо, оставьте, – сказал я, отстранив ее руку. – Считайте, что у меня сегодня день благотворительности.

Девушка удивленно на меня посмотрела.

Я перегнулся через ее сиденье, слегка коснувшись девушки плечом. Она отпрянула, но я лишь распахнул ей дверцу и произнес:

– Прошу.

Та замешкалась и, продолжая сомневаться в моем беско-

рытии, буркнула:

– Не привыкла я так. Как-то это странно.

Но прежде, чем она успела выскочить, я, как бы преодолевая колебания, протянул:

– Ну, если вы не верите в добрых самаритян, можете оставить мне номер телефона. Буду рад услышать ваш голос.

– Но ведь вы за всю дорогу даже не взглянули на меня, – не удержалась девушка.

– Взглянул. И оценил, – сказал я и рассмеялся. Я знал, мой смех нравится людям, и часто им пользовался, налаживая отношения. Попутчица не удержалась и засмеялась в ответ.

Телефон я получил.

Потихоньку она довольно плотно вошла в мою жизнь, вытеснив остальных подружек. Я, тем не менее, продолжал время от времени от нее погуливать, то ли боясь чересчур привязаться, то ли просто из мужской вредности. И каждый раз уговаривал себя, что имею на это полное право, так как никаких обязательств верности не давал. Естественно, иногда я попадался, и тогда она устраивала скандал, лезла драться, царапалась, а потом собирала манатки и уходила на свою съемную квартиру, которую делила на паях с подружкой. Проходило какое-то время, и мне начинало ее не хватать. Я шел на поклон, заговарившись цветами и подарками. Я почти искренне клялся, что больше не буду, и она через какое-то время остывала. И наша жизнь до следующего раза

возвращалась на круги своя.

Сама она была из Курска, хотя родилась и выросла в Виннице. Ее отец был какой-то железнодорожный начальник, которого как-то с повышением перевели в другой город, а вскоре родная Винница осталась за границей в самостийной Украине.

У Машки была типичная украинская фамилия Пономаренко. Когда я впервые это узнал, то, не имея ничего плохого в виду, а только желая польстить, брякнул:

– Я всегда знал, что хохлушки – самые красивые бабы на свете.

В ответ Машка только передернула плечами.

– Еврейки тоже.

Я удивился, а она объяснила.

– Мой отец – украинец, а мама – еврейка.

Мне ее национальные корни были до фонаря, но тут вдруг черт дернул пошутить, и я ляпнул:

– Интересно, как же мне определить твою национальность. Выбирай, что больше нравится. Жидохохлушка или хохложидовка?

Машка ужасно обиделась. Она оказалась чрезвычайно чувствительной к национальным вопросам и переживала за эти обе суматошные нации. И те, и другие казались ей в чем-то незаслуженно обделенными и обиженными. А мне было ужасно смешно и любопытно, как ее еврейская половина переживает за «притесняемых» украинцев, любивших в свое

время развлечься еврейскими погромами.

Национализм – это не про меня. Хотя я был коренной, до «надцатого» колена русский. И если бы у нас в стране было нечто вроде третьего рейха, то с гордостью мог бы хвастаться своей «арийской» родословной. Жаль, что не рискнул показать ей фотографию покойного деда. Его считали колдуном, и все, включая меня, ужасно боялись, так как он был не только страшен с виду, но и выглядел как типичный татаромонгол. Мои же родители, наверно, были единственными настоящими интернационалистами на планете. Никогда от них не слышал, чтобы какая-то проблема повседневного быта связывалась с национальной принадлежностью человека. Конечно, я знал, что есть турки, индийцы, узбеки, таинственные самоеды, но для меня это были просто слова, что-то вроде человеческих имен. И с этой иллюзией межнациональной терпимости я дожил до самой школы. А там подружился с Яшкой Хейфецом. Классный был парень. Умница и большой юморист. Мы с ним в соответствии с потребностями нашего возраста и к вящему удовольствию одноклассников легонько похулиганивали, доставляя умеренные хлопоты нашим учителям. Но вот однажды Яшка отозвал меня в сторонку. Я подумал, что он снова что-нибудь затевает, а тот, видимо, решив, что я достаточно проверенный человек, по большому секрету признался:

– Родька! У меня в свидетельстве записано по-другому,

но тебе скажу. Ты знаешь, я – еврей.

Честно говоря, я не очень-то понял из-за чего весь сыр-бор. Какое свидетельство? И в чем тут тайна?

Но на всякий случай сделал умное лицо.

А вскоре случилась *та* история. Я случайно в углу школьного двора натолкнулся на Яшку, которого с шипением «получай, жидовская морда» лупили трое парней постарше. Я, естественно, влез. Нам, пацанам, всего-то было лет по десять, но дрались мы не по-детски. Одному из нападавших я палкой раскроил голову, и тому пришлось накладывать швы. В общем, в результате прилично досталось всем.

История наделала много шума. Возник скандал, вышедший за пределы школы. Нас с Яшкой уже совсем собрались исключать, но умный, занимающий немаленький пост Яшкин папа пошел к директору и спокойно так тому сказал, что возникшая в его епархии драка не просто хулиганство, а результат разжигаемой в школе межнациональной розни, о чем необходимо поставить в известность вышестоящие организации. И дело быстренько заглохло. Но Яшку родители из школы все-таки забрали.

Вот так на примере антисемитизма я впервые в жизни получил урок многогранности и непредсказуемости интернациональной дружбы. И, еще будучи совсем мальчишкой, сообразил, что ксенофобия очень удобна для манипуляции людьми.

Но, закрывая эту тему, готов присягнуть, что я так и

остался одним из последних могокан-интернацио-налистов. Никакой «гондурас» меня не беспокоил, а Машка, увидев, что я не брезгую ни салом, ни мацой, успокоилась.

Я уже говорил, что этот более чем двухгодичный роман оказался в моей биографии одним из самых длинных. Мне с Машкой было хорошо. Она готовила обалденные вареники. Была красива и неглупа. И я ужасно скучал, когда мы ссорились, а она демонстративно уходила. Машка однозначно была женщиной, которая устраивала меня почти со всех сторон. Но она вряд ли догадывалась, что это только до тех пор, пока она не покушается на мою свободу.

Иногда я все-таки подумывал, а не жениться ли мне на ней. И, посчитав все за и против, каждый раз приходил к выводу, что не стоит. Меня в ней смущала ее провинциальная нахрапистость и целеустремленность. Да и актерская карьера, как я полагаю, для нее была приоритетом приоритетов. А мне вовсе не хотелось быть мужиком при примадонне и, как говорится, греться в лучах ее славы. Мы и сами с усами. Ни от Машки, ни от себя самого я никогда не скрывал, что главное, что я делаю в жизни, это тоже карьера, но моя. Ради нее, родимой, я горбился на работе и терпел вещи, которые вовсе не хотел бы терпеть. Я хотел быть боссом. И прекрасно понимал, что боссу желательно быть семейным. А для этого нужно жениться на *нужной* женщине. Станет ли такой Машка, я сомневался.

В тот вечер мы с ней поссорились. Перед этим у меня был непростой разговор с Тимуром. Он не забыл историю с «Сибирскими дорогами» и интересовался, что удалось выяснить. А я еще не был готов к разговору. И все из-за того, что недавняя беседа с Виктором Юрьевичем в кафе сильно выбила меня из колеи.

Босс, как назло, в этот день был раздражен и нетерпелив. У него разболелась жена. Снова подскочило давление. Но жены женами, а фирма – это бизнес. И надо было заниматься делом. И хотя моя точка зрения играла немалую роль, окончательное решение такого уровня могло принадлежать только Тимуру. А я не захотел облегчать ему жизнь. Не вникая в детали, я лишь объяснил, что на определенном довольно длинном участке трассы, скорее всего, возникнут проблемы, решение которых потребует дополнительных капиталовложений. И, по-видимому, не маленьких.

Тимур состроил гримасу.

– Мне еще не встречался проект, – с видом знатока произнес он, – затраты по которому соответствовали бы бизнес-плану. Вопрос в том, насколько превышение сметы приемлемо нам. И как это повлияет на конечную выгоду.

Я помолчал, выбирая ответ понейтральнее. Зная босса, я предоставил ему выкруливаться самому, так как догадывался, какое он примет решение.

– У меня, – сказал я, – не было достаточно времени для

более подробного изучения ситуации, и, боюсь, что даже при его наличии не настолько компетентен, чтобы разобраться во всех нюансах.

Босс приподнял брови.

– Что это ты вдруг заскромничал? Насколько я тебя знаю, тебя скорее нужно притормаживать, чем подталкивать.

Тимур встал и заходил по кабинету.

– Ладно. Сделаем так. Все-таки, как ни крути, проект выглядит привлекательно и сулит хорошие прибыли. В противном случае я бы давно от него отказался. Но поскольку остаются сомнения, посоветуемся с вышестоящим начальством и представим дело Науму Яковлевичу (так звали Олигарха). Он послезавтра должен быть у нас. И, чтоб ты, скромник, знал, представлять проект мы будем вместе. Ты и я. Пора тебе, Родик, начать сокращать дистанцию между тобой и Нёмой.

Понятно, что после этого разговора я не был расположен слушать Машкин рассказ о каком-то Леше, который по секрету сказал, что ее, скорее всего, утвердят на вторую главную женскую роль в новом сериале. Какое-то время у меня хватало терпения делать вид, что я слушаю, и кивать, но, в конце концов, в очередной раз услышав, что там будет сниматься даже Меньшиков, не выдержал.

– Фильм-то о чем будет? – ехидно спросил я. – Представляю... Он, крутой, но добрый сердцем мафиозо, был послан

с заданием убить нехорошего крестного отца-конкурента. Но собранные разведданные о местонахождении последнего оказались неточны. Тот был не один. Его окружали телохранителями и гости благотворительной вечеринки, посвященной празднику урожая в Уагадугу, столице Буркина-Фасо. Но герой не растерялся, он был умен и храбр. И расправился со всеми. Но на красавицу-дочь убитого рука не поднялась. А поднялось другое. И она осталась единственной свидетельницей. И все было бы хорошо. Но, на беду, у героя была подруга, которая терпеливо ждала, пока он, укокошив, наконец, достаточно народа, не заработает деньги, чтобы хватило на домик на Кипре. Машка! – проорал я. – Наверно, эту роль должна будешь сыграть ты... Слушай теперь продолжение. Первая подруга не может смириться с появлением соперницы. Тем более, что Кипр, кажется, вот-вот должен был ей улыбнуться. И она на протяжении всех восемнадцати серий пытается отомстить и подсылает убийц к несчастной девушке, которую герой самоотверженно защищает и, чтобы не растерять навыки, рубит киллеров в капусту. Но его доброе сердце при этом продолжает обливаться кровью. Ведь жизнь любимой остается в опасности. А потом выяснится, что она и прежняя подруга героя выросли в одном детдоме и вообще разлученные сестры. Оказывается, от вас в незапамятные времена отказалась гражданская жена вора в законе, которому удалось достать только два билета в Нью-Йорк и паспорта, оформленные на бездетную пару, уезжающую на

искусственное оплодотворение.

Машка стукнула меня диванной подушкой и ушла на кухню, а я злорадно продолжал орать ей вслед.

– Нет. Наверно, это будет намного более серьезный фильм. Представь. Герои жили вместе долго и счастливо, но пришла беда. Он попал в аварию и сломал ногу. Нога постепенно зажила, и он снова начал ходить, но это была только видимость благополучного завершения его мытарств. Он никому не рассказывал о своей тайне. Эта нога была опорной и категорически необходима для исполнения супружеских обязанностей, иначе не на что было опираться. А теперь она перестала действовать как надо. Он продолжал надеяться на чудо, но оно не происходило. Он пробовал и так, и эдак. Но все было не то. Жена принесла ему «виагру», но та не действовала на его ногу. Все попытки казались тщетными. Тогда жена решила, что все дело в ней, и с другой женщиной он воспрянет и вернется к прежней жизни. И она попросила помощи у своей подруги, которую будешь играть ты, Машка, чтобы та соблазнила героя. Но и твои прелести не изменили ситуацию. И тогда у жены героя опустились руки. Она начала пить и деградировать. И вот однажды в какой-то подворотне ее совсем уже спившаяся собутыльница, услышав эту историю, уверенно сказала, что героя, скорее всего, просто сглазили. И это сделал, наверняка, кто-то из близких друзей. То есть ты, Машка.

На кухне послышался грохот. Видно, Машка кокнула что-

нибудь. Это на нее похоже. А через секунду она фурией во-
рвалась в комнату.

– Ты гадкий, ползучий, подлый гой-москаль. Чтоб тебе са-
мому в аварию попасть. И чтоб тебе поотрывало твои при-
чиндалы.

Это, наверно, нехорошо, но я развлекался, глядя на нее,
когда она сердилась.

– А скучать по причиндалам не будешь? – серьезно спро-
сил я.

Машка вдруг непривычно строго на меня взглянула.

– А что мне скучать? Они свое дело уже сделали.

Я сразу посерьезнел.

– Что ты имеешь в виду?

Машка нелегко вздохнула и села.

– А то и в виду. Залетела я случайно. Ты ведь проходил в
школе, от чего дети рождаются.

Мне сегодня этого как раз и не хватало. И я совершенно
не знал, как себя вести. Единственное, в чем я был уверен,
что наиболее оптимальным вариантом была бы максимально
нейтральная реакция. Ни гнева, ни радости. И то, и другое,
как говорится, чревато боком.

– Так что же мы будем делать? – Я намеренно сделал ак-
цент на местоимении «мы».

Машка по-женски снисходительно на меня посмотрела.

– Да не волнуйся ты, дурачок. Это мои проблемы. Не могу

ж я к концу сериала сниматься с пузом. Сделаю аборт. Не я первая, не я последняя.

В тот вечер я бы хотел, чтобы она, как всегда, рассердившись, ушла ночевать к себе. Но этого не произошло. Более того, начало ночи мы провели активнее, чем обычно, хотя, залезая под одеяло, я клялся, что просто повернусь на бок и усну. Наконец, мы выдохлись. Машка мягко поцеловала меня в губы и чуть слышно шепнула:

– Родька! Женись на мне.

Я изобразил удивление. Машка несильно хлопнула меня кулачком по лбу.

– Ладно, спи. Проехали. Считай, что я ничего не говорила.

И она от меня отвернулась.

В среду Тимур сообщил, что завтра с утра мы едем в аэропорт встречать Нёму. Я вызвал свою секретаршу Генриетту Карловну. Не стандартную, как у большинства, смазливую мордашку с нахально выпирающей грудью и длинными ногами, а мою милую фрекен Гету. С ней мне было хорошо. Она выглядела как милая, немолодая, но моложавая полноватая тетушка, к которой племянники рвутся на выходные, чтобы поесть вкусные плюшки. Главное, она была деловая донельзя. Мы с ней давно ладили и с удовольствием играли в игру, в которой я изображал безалаберного молодого шалуна, а она строгую, но любящую матрону. Вот она-то и вошла по моему зову в кабинет. Я сказал ей, что мы едем зав-

тра встречать Олигарха, и попросил по возможности выкроить в моем графике пару свободных часов для подготовки к встрече. Генриетта в ответ шутливо растрепала мне волосы.

– Мальчик мой! Не рассказывай сказки пожилой женщине, что ты два часа будешь сидеть сиднем в уединенном, как сортир, месте и думать. Насколько я тебя знаю, чтобы шевелить мозгами, тебе никакое уединение не нужно. И не изображай непонимание. Ты ведь, Родик, ушлый господин, а не тот, за кого себя выдаешь. Признайся старой тете, зачем тебе два часа? Их ведь у меня нет. Но я смогу постараться, если признаешься. Что случилось? Явочная квартира провалена? И тебе нужно спасать рацию?

Я засмеялся и протестующе замахал руками.

– Гета, прекратите. Я не знаю, плакать мне или смеяться над тем, что вы меня изобразили таким двуличным и коварным, но, по правде говоря, ужасно трушу перед завтрашним днем, потому что я не просто группа сопровождения, но лицо, включенное в обсуждение проекта. И то, какое я произведу впечатление, может сыграть в моей карьере немаленькую роль. Мне действительно необходимо от всего отвлечься и хорошенько подумать, что же я буду говорить.

В результате благодаря усилиям Генриетты день прошел спокойно. И только один раз мое сердце екнуло. Звонил Виктор Юрьевич из «Сибирских дорог», а я этого не ожидал.

– Родион Николаевич! Я соскучился по вашему голосу. Как у вас дела?

Я что-то буркнул в ответ.

– Вы чем-то раздражены? – со скрытой насмешкой спросил тот. – Не горюйте, жизнь так прекрасна. – И он перешел на серьезный тон. – Я лишь хотел узнать, остается ли ваше решение в силе?

Его вежливо-насмешливая манера разговаривать действовала мне на нервы, но я не менее вежливо ответил:

– Я, Виктор Юрьевич, остаюсь при своем.

Утро было хмурым. Над головой низко висели грязно-серые тучи. Небо, казалось, было беременно дождем, но никак не могло разродиться. Только время от времени накрапывала какая-то скользкая гадость. В зале «VIP» аэропорта было много народа, похоже, в основном журналистов, и мы с Тимуром даже как будто затерялись. Наконец, прилетел и долгожданный гость. Олигарх всем привычно приветственно безадресно улыбнулся, но интервью давать не стал. Он официально пожал Тимур и мне руки и поспешил к своей машине.

Однако и у себя в офисе я еще какое-то время просидел в ожидании, пока Генриетта не сообщила, что меня ждут.

В кабинете Тимура повернувшись ко мне бочком, Олигарх выговаривал кому-то по мобильнику. Его голос был буднично скучен, но именно такого сухого тона больше всего и боялись его подчиненные. Я, хотя и был замом директора компании, напрямую с Олигархом практически не общался

и впервые слышал, как он устраивает нагоняй. Но старался не прислушиваться. Тимур в это время разливал по бокалам виски. Этот напиток Нёма любил, а мы были рады составить ему компанию.

В углу кабинета я заметил молоденькую худенькую девушку. Наверно, референт какой-нибудь, подумал я. Она показала мне немного несуразно одетой. Но, приглядевшись, я понял: ее одеяние укладывается в определенный гармоничный и идущий ей стиль. И стоило оно, кажется, недешево. А еще я увидел ее симпатичную глазастую, хотя и чуть стандартную мордашку. Она, не обращая ни на кого, включая самого Олигарха, внимания, читала какую-то книжку. Бог ты мой, она читала Монтеня. А я, по-честному, не то чтобы был большой в нем специалист, но вообще его не читал, хотя все-таки и был не пальцем сделанным. В голове вертелось название какой-то книги. «Опыты», вспомнил, наконец, я. Стараясь не привлечь внимания начальства, я чуть придвинулся к девушке и, не скрываясь от нее, скосил глаза, пытаясь прочесть название. «Апология Раймунда Сабундского». Ни хрена себе.

– Монтень? – с преувеличенно умным видом поинтересовался я и продолжил отеческим тоном. – Похвально. И знакомо. Как же, как же. «Пособие по компьютерам для начинающих». Читал-с. Хорошая книга.

Девушка подняла на меня глаза, но осталась невозмутимой.

– Вы ошиблись. Это другая книга. «Учебник хорового пения для глухонемых».

Я удивленно вскинул голову.

– Не может быть, чтобы я ошибся. Какая досада. А там хотя бы написано, что меня зовут Родион?

И меня вдруг понесло.

– Знаете, я родился в глухой армянской деревне, а там по традиции любили давать детям имена, происходящие от звучных и непонятных иностранных слов. И настоящее мое имя Аккордеон. В честь музыкального инструмента, который дед притащил в качестве трофея с войны. А затем судьбе было угодно, чтобы моя семья перебралась в Подмосковье и жила в поселке рядом с аэродромом. А там, знаете ли, все время шум и грохот. То взлеты, то посадки. Поэтому местный народ и стал маленько глуховат. Вот они меня-то по приезде как-то и спросили:

– Парнишка! А звать тебя как?

Я и говорю:

– Аккордеон.

– Как-как?

– Да Аккордеон же.

– А-а, Родион. Понятно. Это по-нашему, – сказали местные. – Значит Родька будешь.

А я даже обиделся. Вовсе я не Родька, если уж на то пошло, а Аккордик. Но так и остался Родионом.

Девушка терпеливо слушала этот бред, но в конце не удержалась.

жалась и улыбнулась.

В этот момент Олигарх закончил свой разговор, и Тимур немедля к нему обратился:

– Наум Яковлевич! Вы ведь уже знакомы с моим заместителем Родионом Николаевичем. Он, несмотря на свои молодые годы, уже многое успел сделать для нашей фирмы.

И Тимур, как будто я какой-то манекен, а не человек, указал на меня рукой.

Олигарх в ответ индифферентно посмотрел и кивнул.

– Вы там мне что-то по телефону намекали на дорогу в Сибири. Так давайте, докладывайте, – сказал он и снова бросил на меня изучающий взгляд. – Кстати, девушка, с которой вы сейчас пытались заигрывать, молодой человек, моя дочь Нина.

«Вот-те на... Пококетничал», – подумал я. Мне было известно, что у него есть дочь, но кто же знал, что он с собой потащит ее сюда.

Докладывал я по-военному. То есть быстро и четко, но маловразумительно. Я не скрывал проблемы строительства дороги вдоль реки Ужа, но и не вдавался в детали, которые и сам не понимал. Олигарх в раздумьях заходил из угла в угол. Я, кстати, тоже люблю думать расхаживая. А еще я не раз видел, что и Тимурчик грешит тем же. И вдруг представил, как мы все трое расхаживаем по кабинету, как молекулы в броуновском движении, а девушка Нина в это время читает Монтеня. Настоящий театр абсурда.

– Дайте мне карту России, – неожиданно попросил Олигарх.

– Смотрите, – сказал он, ткнув в нее пальцем, – это ваши связанные с рекой Ужой Нежинск и Уганск. И губернатор края там Грищенко. А это – Петрогорск и Кмышев, находящиеся в ведении уже другого губернатора, Эрдмана. Эти два города с географической точки зрения практически параллельны нашим, но только километров на двести южнее.

Мы с Тимуром с умным видом таращились на карту. Ну и что?

– Вы вряд ли об этом знаете, хотя наверняка до вас доходили слухи, что на федеральном уровне зреет и практически уже созрел проект строительства трансконтинентальной трассы, пересекающей всю страну. Однако полагаю, вам вряд ли известно, что она пройдет через Петрогорск и Кмышев. И строить ее должны начать уже в конце этого года. С двух концов, востока и запада. И, таким образом, через несколько лет она приблизится к этим городам, которые торжественно примут эстафету строительства. – Олигарх помолчал. – Вы можете задаться вопросом, какое это отношение имеет к нам? Может, и никакого... Но, если подумать, мы ведь тоже не лыком шиты и способны, со своей стороны, сделать некий финт ушами. Возьмем и вложим деньги в «Сибирские дороги», чтобы начать строить пока находящуюся вне интересов федералов параллельную трассу через Нежинск и Уганск. Но только уже сейчас, а не потом. А затем через какое-то время

заявим, что имеем готовую европейского уровня дорогу, которую намного проще ассимилировать в федеральный проект, только чуть изменив направление идущих с востока и запада ветвей, чем начинать с нуля трассу Кмышев-Петрогорск. А преимущества включения нас в федеральную дорогу, как я полагаю, вам очевидны. И тогда даже чрезмерные затраты воздадутся нам сторицей. – Олигарх усмехнулся. – Также очевидно и то, что может подняться большой хай.

Наум замолчал, а потом неожиданно подошел к Нине и совершенно не по-олигарховски поцеловал ее в макушку. Похоже, большой папа души не чаял в своей дочке. А та в ответ совершенно по-домашнему, как кошка, потерлась щекой об его руку.

– А что, господа хорошие, по этому поводу мне скажете вы? – обратился он к нам.

Тимур, собираясь с мыслями, слегка замялся.

– Видите ли, Наум Яковлевич! Живи мы в другом государстве, я бы стопроцентно с вами согласился. Но это – Россия. А наша родина все еще, несмотря на уверения, не вошла в стадию спокойной и скучной стабильности европейцев. Поэтому я в делах стремлюсь к осторожности и стараюсь избегать сделок, в которых выгода рассматривается как дальняя перспектива. А пока не вызывает сомнений только одно. Принимая положительное решение, мы в первую очередь вынимаем из своего кармана немаленькие деньги в надежде их вернуть, да и еще заработать. Однако удастся ли

нам это сделать, – Тимур развел руки в сторону, – будет решать конъюнктура. И российская, а не какая-либо иная. Я даже не имею в виду финансовую и юридическую стороны. А то, что определяет конечный итог. Другими словами, то, какой губернатор в нужное время окажется повлиятельней и пооборотистей, останется ли федеральная власть достаточно сильной, когда придет другой президент, или, к примеру, в какой степени будут сильны сепаратистские настроения в стране и т. п. Русский человек загадочен. Но только в силу непоследовательности своих решений. А посему, будь это в моей власти, я бы ввязываться в это дело не стал.

Закончив, Тимур облегченно вздохнул и пригубил виски.

– А вы что думаете, молодой человек? – Олигарх обратился ко мне.

Это был момент, которого я ждал.

– Мне сложно выступать после своего начальника, – притворно скромно начал я. – Можно и довыступаться. – Оба начальника улыбнулись. – Но мне, в принципе, совершенно понятна позиция Тимура Арсеньевича. Более того, с большей частью сказанного я совершенно согласен.

– Но, кажется, есть и «но», – не без иронии в голосе вклинился Тимур.

– Да, Тимур Арсеньевич. Не обижайтесь. Может, это просто свойство молодости, но на некоторые вещи я смотрю по-другому. Я верю в перспективу и даже вне связи с общефедеральным проектом не скинул бы полностью со счетов воз-

возможность выгодности сделки с «Сибирскими дорогами», даже если построенный автобан останется лишь достопримечательностью местного значения.

– Объяснитесь подробнее, – попросил Олигарх.

Я на мгновение запнулся. Я не готовился произносить длинную речь. Хотя, если не касаться мелочей, говорить о преимуществах проекта было легко. Да и выбора у меня не было. Я уже успел высказать несогласие с мнением Тимура и перекрыл себе путь назад. В итоге полуэкспромтом у меня получился целый рекламный ролик по типу бендеровского про Нью-Васюки. Но хорошего качества.

Я посмотрел на Олигарха. Его взгляд был одновременно и насмешлив, и благосклонен.

– Да-а, Тимур, – протянул он. – Похоже сегодня не твой день. Я думаю, фирме настало время поближе познакомиться с «Сибирскими дорогами».

Он сказал еще несколько ничего не значащих нейтральных слов и ушел, забрав с собой свою умную и хорошенькую дочурку.

В кабинете повисло молчание. В конце концов, я наигранно бодро вскочил со своего кресла и сказал, что возвращаюсь к себе. Тимур равнодушно пожал плечами.

Я уже был у самой двери, когда он бросил мне в спину:

– Что, молодой и верящий в перспективу Родион? Пытаешься заработать у Наума очки? Ну-ну...

Остаток дня я провел в некотором смятении. Как я и полагал, Тимур вовсе не обрадовался, когда я его не поддержал. Хотя, с другой стороны, никакой общей линии поведения мы с ним не вырабатывали. Видимо, ему мое согласие с ним казалось само собой разумеющимся. Поэтому мне в ближайшее время лучше вести себя с ним осторожнее и деликатнее. Но, как ни странно, мысли о том, что я могу попасть в опалу к Тимур, не так уж меня и занимали. Вместо этого я вновь и вновь вспоминал тоненькую фигурку девушки, читающей Монтеня. Хотя это и было глупо. Я не забыл, кто ее отец и как он на нее смотрел. И она, наверняка, была его любимицей. Так что мой с ней безобидный треп мог оказаться небезопасным. А мне вовсе не хотелось зарабатывать штрафные очки еще и у самого Олигарха. Я попытался отбросить эти мысли и отвлечься, но вместо этого вспомнил, что дома меня ждет беременная Машка. Как понимаете, это не очень способствовало успокоению моих нервов.

Наконец, день кончился, и настало время сказать «до свидания» Генриетте.

К моему удивлению, первым человеком, которого я увидел, выйдя из здания, была Нина. Мне это показалось странным, но потом я решил, что, видимо, она ждет отца или кого-то из его свиты. Но я удивился еще больше, когда она прямоком направилась ко мне.

– Аккордик! А я уже вас заждалась, – сказала она просто,

как будто мы договаривались о свидании.

Мне еще в этот день разве что и не хватало, как попасть на заметку ее охранников. Не такой же я был дурак, чтобы подумать, что дитя Олигарха вот так одна в центре Москвы шляется среди простых смердов.

Она, видимо, что-то прочла на моем лице и чуть скривилась.

– Да не бойтесь вы. Я не кусаюсь.

Нина решительно взяла меня под руку.

– Родион! Если вы не очень заняты, может, прогуляемся? – сказала она, и меня удивили прозвучавшие в ее голосе просительные нотки.

Я не знал, что делать. Никуда я, в принципе, не торопился и в любой другой ситуации с удовольствием прогулялся бы с хорошенькой девушкой. И напросился бы затем стеречь ее сон. Но в данном случае...

Нина видела, что я колеблюсь. В ее глазах появилась смесь обиды и презрения.

– Хотя... Если вы торопитесь... – протянула она.

Я понял, что выгляжу глупо.

– Да что вы, Нина. Я буду рад составить вам компанию. Просто я на самом деле немного занят и прикидывал, сколько могу выкроить времени, не рискуя тем, что ваш папа уволит меня с работы, – соврал я.

Девушка явно обрадовалась.

– Тогда пойдёмте. Я отпущу вас сразу же, как только ска-

жете, что вам надо идти.

Мы бездумно и молча пошли. Практически сразу я заметил, как из припаркованной «тойоты» вылезли два крепеньких мальчугана и увязались за нами. Я выжидал какое-то время, желая исключить совпадения, но они решительно и практически не скрываясь шли за нами.

– Нина! Вы кого-то еще пригласили на прогулку? – спросил я.

Она недоуменно на меня посмотрела.

– Просто за нами следуют два мускулистых джентльмена, – объяснился я, – и мне надо знать, не идут ли они за вами с целью, скажем, похитить. Я ужасно не люблю, когда меня бьют по голове или в меня тем паче стреляют.

Нина в полголовы обернулась и засмеялась.

– Успокойтесь, трусишка. Вашему здоровью ничего не грозит. Это же Чук и Гек.

Она приветственно помахала им рукой.

«Что-то многовато Гайдара на мою голову, – подумал я. – В офисе Тимур и его команда. Тут Чук и Гек». – Но заинтересованно спросил: – А их родители, что, были поклонниками творчества покойного героя гражданской войны?

Нина снова засмеялась.

– Да нет. Во-первых, имена у них другие, хотя они и братья, во-вторых, это им подходит. А в-третьих, это пошло от начальника охраны, который, как-то разоряясь по поводу их опоздания, разорался на всю контору: «Где же эти чертовы

Чук и Гек?» Так и повелось.

Какое-то время мы шли молча. Пауза начала затягиваться, и я полушутливо спросил:

– Смею ли я узнать, куда мы идем, госпожа?

Лицо Нины приняло сердитое выражение.

– Я догадываюсь, что вы думаете. Взбалмошная дочка большого папы. Любой каприз выполняется на месте, а мальчики становятся по стойке «смирно» и бегут за мной по легкому мановению руки.

– Манию руки, – непонятно сказал я, а она удивленно на меня посмотрела. Пришлось объяснять.

– Я, Ниночка, как-то застрял в пробке и от скуки стал разгадывать кроссворд. Все вроде сходилось, кроме одного слова, определяемого как «движение руки». Я и так крутил, и сяк, но не угадал. А ответ оказался – «мание». Полез в словарь. Действительно, есть такой термин, устаревший, но идентичный мановению. Так что я подчинился, и не без удовольствия, не мановению, а манию вашей руки. Между прочим, в сочетании слов «мание руки» есть какая-то магия.

Нина улыбнулась.

– А вы, оказывается, эрудит. Тогда, наверно, вашей эрудиции хватит, чтобы понять, что в моей жизни все не совсем так, как кажется. Я вовсе не балованная девчонка из «золотой молодежи». Мне больше подходит образ будущей старой девы, двадцать четыре часа в сутки живущей под микроскопом и ограниченной в возможностях простого общения с

людьми. И мне самой приходится цепляться к молодым людям, потому что надежда, что у них хватит храбрости сделать это самим, мала.

– Думаю, что участь старой девы вам не грозит, – искренне прокомментировал я.

Она невесело засмеялась.

– А вообще, Родион, давайте сменим тему. Покажите мне Москву.

Я недоуменно посмотрел.

– Вы не видели Москву?

Нина усмехнулась.

– Я коренная москвичка и родилась в Марьиной роще. Мы ведь с отцом не всегда были такими, как сейчас. Он работал инженером, а я ходила до тринадцати лет в обычную московскую школу. – Она вдруг скакнула на другое. – Вы, кстати, Родион, наверно, наивно думаете, что ваш сегодняшний проект заинтересовал папу, потому что вы такой умный? Не надо обижаться на мои слова, но я сильно сомневаюсь. Не буду трогать болезненное место мужчин, их ум, но в данном случае вы просто случайно потрафили его самолюбию. Он ведь окончил МАДИ, автодорожный, и построить супердорогу – это мечта его детства. Отец хочет доказать самому себе, что не зря получил диплом. Видите, как странно ложатся карты...

Нина вернулась к монологу о себе.

– А я между тем росла обычным ребенком, пока нежи-

данно все не изменилось. И отец отправил меня в Англию, где я училась и пробовала себя в разных качествах. Но так и не прилепилась ни к какому делу. В одном только уверена, бизнес – занятие не для меня. А Москву я видела только наездами, из окна машины. И больше помню ее такой, какой она была в начале девяностых. Грязной и серой. Так что побудьте, Родик, для разнообразия моим чичероне.

Какое-то время мы шлялись по центру. Нина с удовольствием заходила во все подряд магазины и приценивалась. Она только удивлялась дороговизне и рассказывала, что и почем можно купить за такие же цены в Европе. А потом в очередной раз ошарашила меня просьбой.

– Родик, давайте сходим в кино, – просительно глядя, обратилась она ко мне. – Вы можете мне, дуре, не поверить, но это моя навязчивая идея. Я устала от всего самого-самого и просто хочу в кино. Хочу, как когда-то в детстве, подойти к кассе, отстоять в очереди и, купив билет, сделанный из плохой сероватой бумаги, отсидеть положенные два часа на неудобных деревянных сидениях... Хочу и все... Хотя и знаю, что ничего этого больше нет. Но все равно хочу. Так жальтесь же надо мной, сводите девушку. Только, ради бога, не в какой-нибудь накрученный кинотеатр, а куда-нибудь попроще.

Я задумался. Еще бы... Принцесса собралась идти в народ. Значит, мне нужно будет выполнить прихоть дочери Олигарха, балующейся чтением Монтеня. Для чего требова-

лось найти «народный» кинотеатр и фильм, который хотя бы приблизительно соответствовал ее неизвестным мне вкусам. От напряжения голова начала пухнуть, и я, плюнув мысленно в сердцах, повел ее в ближайшую киношку на очередной блокбастер, который, к моему счастью, оказался вполне приличного качества. Нина радовалась, как ребенок, которого первый раз повели в цирк. Я выпил пива, а она похрустела попкорном. Надеюсь, что и примкнувшие к этому культурному мероприятию Чук и Гек тоже получили удовольствие.

В итоге наше рандеву оказалось достаточно милым. Мы всласть почирикали ни о чем, посмотрели стрелялку, а затем я отвез ее в гостиницу. Нина искренне меня поблагодарила и смутила тем, что поцеловала на прощание в щеку. А напоследок сунула бумажку с номером телефона.

– Это мой личный сотовый. Его номер не знает почти никто, – сказала она. – Захочешь – позвони.

Мы расстались. По дороге я, скорчив рожу, помахал на прощание стоящим с отсутствующим видом у своей машины Чуку и Геку. А один из них, не произнося вслух ни слова, четко проартикулировал губами:

– А пошел ты на ...

На сегодня было все. Уже по дороге домой я понял, как за этот день устал.

Услышав звук открываемой двери, Машка выскочила в прихожую.

– Наконец-то пришел, – не без раздражения буркнула она и легонько чмокнула меня в губы.

Это был уже второй женский поцелуй за последний час. Машка не без подозрения меня осмотрела и принялась. Пахло пивом. Она сморщила носик и, отвернувшись, сказала:

– Если голоден – там есть блинчики с мясом. Хочешь, в момент разогрею в микроволновке.

Я промышал что-то невразумительное. Голодным я себя не чувствовал, тем более что от пива и съеденного в кинотеатре бутерброда началась изжога. Да и вообще ничего не хотелось. Слишком перенервничал. Даже Машкино присутствие раздражало. А она, как обычно, что-то чирикала. Я старался не вникать и ушел на кухню, сделав вид, что все же собираюсь попробовать эти чертовы блинчики. Как назло, Машка пришла вслед и села напротив. Все выглядело точь-в-точь, как сцена возвращения мужа после работы. Он усталый и злой, а она, наоборот, соскучившаяся и жаждущая общения. Какого ляда! Я холост. Это моя квартира. И мне не нужны никакие блинчики. Мог бы, как миленький, спокойно обойтись пельменями из ларька напротив. Я злобно ковырнул блинчик и, не притронувшись к нему, бросил вилку.

Машка притихла и обиженно на меня посмотрела.

– Что случилось? У тебя проблемы? Не хочешь – не ешь. У меня невольно сжались челюсти.

– Проблемы, говоришь? – притворно равнодушно пере-

спросил я и вдруг завелся. – Вообще-то свои проблемы я решаю сам и ни в чьей помощи не нуждаюсь. А вот что делать с твоими, это – вопрос. Ты ведь собралась сниматься в сериале и не вовремя забеременела. И, как утверждаешь, от меня. Но, как это ни странно, я не услышал, чтобы ты что-то попыталась по этому поводу предпринять. Ты, кажется, ведь собиралась сделать аборт? Уже есть дата? Или передумала и будешь рожать? Это ведь тоже вариант. А актерскую карьеру можно заново начать и через пару лет.

Я чувствовал себя отвратительно и знал, что веду себя отвратительно. Я же не дурак и селезенкой чувствовал, что ей в эту минуту больше всего хотелось услышать не это, а что-то вроде:

– Машенька! Я тебя люблю. Выходи за меня замуж. И, хочешь, рожай. Тогда у нас будет сынишка или дочурка. А хочешь – сделай аборт. Займись карьерой, снимайся в кино, а ребеночка родишь потом.

Родила царица в ночь... Черта-с два. Не то сына, не то дочь... Хрена вам. Я холостой мужчина и не хочу брать на себя ответственность за эту женщину и ее ребенка. Я не виноват в том, что у Машки произошла накладка, и вовсе не намерен из-за этого коренным образом менять свою жизнь. Да и вообще, может, она это подстроила специально, чтобы оказать на меня давление, выйти за меня замуж и получить прописку в Москве.

Так, честно говоря, я и думал. Противно. А мне и было

противно.

Машка побледнела как полотно и резко встала. Ее большие зеленые глаза, наполнившись слезами, неожиданно засверкали от гнева. Я думал, что она начнет, как обычно, меня довольно колоритно нецензурно крыть, в сердцах переходя на украинский, но она совершенно холодно произнесла: – Какая же ты, оказывается, сволочь. – И вышла.

Я слышал из кухни, как она собирает свои вещи, как потом хлопнула дверь. В этот вечер я напился.

Утром лучше не стало. Голова раскалывалась, тошнило. Меня вырвало раз, потом другой, а затем я долго стоял не в силах двинуться, опершись руками на унитаз и склонив голову. А поганей всего было на душе.

Я плохо помню, как прошел день на работе. Мне говорили потом, что я на всех кидался, хотя это и не было на меня похоже.

Тем же вечером я в ожидании сидел на лавочке перед домом, где она снимала квартиру. Никого не дождавшись, я поднялся наверх, но Машки дома не оказалась. Мне открыла ее подруга, и по тому взгляду, каким она на меня одарила, я понял, что она в курсе событий.

– Да не смотрите вы на меня так. Я ведь каяться пришел, мириться, – просительно и умильно проговорил я.

– Да пошел ты, хрен обкусанный, – рявкнула девица. – Нет Машки еще. Не вернулась со съемок. – И хлопнула перед

моим носом дверью.

Было уже около десяти, когда наконец появилась Машка. Она попыталась молча пройти мимо меня, но я, не говоря ни слова, загородил ей дорогу.

– Пусти, – зло сказала она.

Я безропотно отошел в сторону. Как я и ожидал, она чуть замешкалась, не ожидая такой покладистости. В этот момент я и забормотал:

– Маш! Ну, прости ж ты меня, дурака. Усталый вчера пришел, на взводе, вот и наговорил черт-те чего.

А Машка вдруг возбужденно заговорила, как будто продолжала давно начатый между нами разговор.

– Знаешь. Я все понимаю. Кроме одного. Ты можешь меня не любить. Ты можешь не хотеть на мне жениться. Ты можешь обделаться от страха, узнав, что я беременна. Но я не могу понять, как ты мог подумать, что я сказала бы тебе о беременности, если б не была уверена, что это твой ребенок. А он твой, и ты имеешь право об этом знать.

На протяжении всей этой тирады я стоял напротив Машки с демонстративно поднятыми вверх руками и злился. Злился от своего бессилия, от ощущения вины и одновременно от того, что не удержался и пришел за ней. Когда она закончила, я продолжал молчать. А Машка выжидательно и презрительно на меня смотрела, и я понял, что она сейчас уйдет.

– Возвращайся ко мне, – сказал я. И, не ожидая ответа, ушел.

Пару дней ничего происходило, исключая то, что я не без удовольствия пользовался благами одинокой жизни: бросал одежду, где попало, плюхался на диван, не снимая тапочки, и жадно ел банками бычки в томате, которые почему-то от всей души ненавидела Машка. Она не звонила и не приходила, а я не делал новой попытки ее разыскать. На работе же мои взаимоотношения с боссом находились в состоянии неустойчивого равновесия. Он злился, но старался не показывать виду. Но, слава богу, что никакой срочности в оформлении официальных отношений с «Сибирскими дорогами» не было, и поэтому ничто не напоминало Тимуру о том эпизоде с Олигархом. Во всяком случае, мне так казалось.

То ли на третий, то ли на четвертый день мне неожиданно позвонила Нина и предложила погулять с ней в парке Горького. Похоже, принцесса и в самом деле решила совершить экскурсию по всем местам своего плебейского детства. Самое интересное было то, что она позвонила мне на сотовый, номер которого знать не могла. Из этого я сделал вывод, что ей его кто-то дал, а значит, скоро вся фирма будет знать, что она мной интересовалась. Включая ее папу. Хорошо это или плохо, должно было показать время, но мне было совершенно понятно, что она не та девочка, которую можно просто подержать за попку. У меня было мелькнула мысль отказаться, но это было не по-спортивно, хотя после размолвки с Машей у меня совсем не было настроения развлекать оли-

гаршёнка.

Тимур в этот день был на работе. И я не без опаски ждал, когда он меня к себе позовет. Он еще накануне позвонил мне и сказал, что у него есть разговор по поводу проекта. Его вызов не заставил себя долго ждать. Генриетта, войдя в мой кабинет, молча указала головой на потолок. На логово босса, располагавшееся этажом выше.

– Доброе утро, Тимур Арсеньевич! – нейтральным тоном проговорил я. – Как себя чувствует ваша супруга? Давление упало?

Босс был хмур. Но никакой неприязни в его брошенном на меня взгляде не было.

– Спасибо. Получше, – безразлично ответил он и указал на кресло напротив.

– Родион! – начал он после паузы. – Я вполне допускаю, что с возрастом становлюсь все большей и большей занудой, но эта компания «Сибирские дороги» не дает мне покоя.

Босс, предупреждая мою ответную реплику, предостерегающе поднял руку.

– Да знаю я, знаю, что в документах у них все в порядке, и что Нёме нравится сама идея, – продолжал он. – Возможно, я просто параноик, но я привык полагаться на свою интуицию. А она подсказывает мне, что здесь что-то неладно. И я по своим каналам навел справки. И вот что выяснил. Эта фирма существует меньше года и возникла как бы из ниче-

го. Ее владельцы вполне деловые люди, но малоизвестны в большом бизнесе, что, в общем, не такая уж большая беда. Хуже то, что происхождение их относительно крупного капитала весьма сомнительно.

Я засмеялся.

– У нас в стране происхождение всех капиталов более чем сомнительно.

Босс нетерпеливо затряс головой.

– Не считай меня наивным дураком. Если хочешь знать, происхождение капиталов во всем мире более чем сомнительно. Но я не об этом. И в таких делах есть границы.

– Неужели деньги «общака»? – полушутя спросил я.

Босс ожег меня взглядом.

– Я не знаю, как это называется, возможно, тебе виднее. Но, вероятно, что-то в этом роде. Поэтому я считаю, что надо предупредить Нёму и не заключать соглашение о вложении капитала.

– Надо – так надо, – равнодушным тоном ответил я, хотя внутри у меня все кипело. Какого черта босс изображал передо мной из себя гимназистку? Можно было подумать, что его когда-то до этого волновало, откуда у людей, имеющих с нами дело, деньги. Мы-то сами занимаемся чисто легальным бизнесом. И большими деньгами. А честных больших денег в России не бывает. И для нас нет никакой разницы, заработал ли наш клиент «бабки», ограбив себе подобных во время приватизации, продал ли оружие Талибану или ге-

роин несчастным наркоманам, или же на самом деле честно изобрел что-то и выгодно продал патент. А у Тимура просто было задето самолюбие. Впервые за долгое время с его точкой зрения Нёма не изволил согласиться. Да еще поддержал молодого да раннего заместителя.

Босс внимательно глядел на меня, но я ничего говорить не стал. Он затеял игру, так пусть ее и доигрывает.

– У меня сегодня важная встреча, – наконец, заговорил он, – которую даже ради Наума Яковлевича я не могу отменить. А он улетает вечером на несколько дней в Лондон. Поэтому говорить с ним надо сегодня же и не по телефону.

Тимур встал, подошел ко мне и отечески положил руку на плечо.

– Родион! К нему поедешь ты. Он ждет тебя в главном офисе в два часа. Я уже договорился.

Он уже договорился, мысленно я передразнил его. Можно было даже подумать, что этот спектакль не отрепетирован заранее. Это же надо! Я сам должен буду обгадить фирму, за проект которой хлопотал. Я встал и повернулся, чтобы уйти. Но меня притормозила фраза:

– Кстати, насчет Нины, умник. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Я не понял, о чем речь.

– Нема – мужик современный, но за интрижку с дочерью может оторвать голову.

Тимур, оказывается, уже знал. А может, и сам дал ей мой

телефон.

Но с Ниной было хорошо. Внешне она была совершенно обыкновенной смешливой девчонкой, которую лишь случайный расклад карт заставил вести образ жизни леди Ди. Мы ели мороженое, катались на карусели, болтали и развлекались как школьники на каникулах. А за нами на четко выверенном, не слишком большом и не слишком маленьком расстоянии таскались два жлоба. Но не Чук и Гек. Другие. Сменщики. В какой-то момент я даже подумал, как это ужасно, когда лишен возможности уединения и не можешь практически ни на минуту чувствовать себя свободным. Я сказал что-то в этом роде Нине, а та засмеялась.

– Еще бы. Уж я-то знаю, – сказала она. – Я была еще девчонкой, когда стала ходить с охраной, и меня это ужасно раздражало. Это же невозможно, когда за тобой все время, как привязанные, ходят два здоровенных мужика. Ни, прошу прощения, задницу почесать, ни в носу поковыряться. И за это им, охране, поначалу от меня доставалось. Всё пыталась удрать от них или назло часами в туалете сидела, чтоб они там под дверью, как дураки, кисли. А потом один из них, Толик его звали, после одного из таких демаршей мне так спокойно и говорит:

– Ты, девочка, зря стараешься. Веди себя, как хочешь, но знай, что для нас это просто работа. Мы таких, как ты и твой папаша, перестаем со временем вообще замечать как людей.

Вы объекты. И ты просто объект, который застрял в сортире гостиницы. А мне все равно, где стоять. Здесь, у двери твоего номера или в ресторане. Лишь бы все в порядке было. Не хочу тебя обидеть, но для нас вы как бараны в стаде.

И я решила, что не буду на охранников обращать внимание. А со временем и привыкла.

Наконец, мы нагулялись всласть. Мы практически не пропустили ни одного аттракциона. Даже постреляли в тире, но ничего не выиграли. А когда настало время возвращаться домой, я с удивлением понял, что чувствую себя отдохнувшим, что у меня хорошее настроение, и мне нравится Нина. И хотя на эту встречу я пошел из чисто деловых соображений, мое тело неожиданно мне напомнило, что я мужчина, когда девушка на прощание податливо ко мне прижалась и снова, как в тот раз, поцеловала. Ее поцелуй был нежен и легок. А от волос возбуждающе пахнуло духами. Я чуть вопросительно посмотрел на нее. И зря это сделал. Взгляд ее был красноречив и понятен любому мужчине, хотя в нем удивительно сочетались сексуальный призыв и готовность покориться самцу и вместе с тем... целомудренность. А что может быть приятней для мужчины, как не ощущение собственной привлекательности для женщины?

В полном сумбуре чувств я поехал домой, тихо радуясь, что, по крайней мере, не придется разбираться с Машкой.

Моя холостяцкая квартира была пуста, в ней ничем вкусным не пахло, как это бывало, когда меня встречала Машка. Я завалился на диван и блаженно откинулся на подушку. Мне нравилось мое одиночество. Я включил телевизор и вскоре тихонько начал дремать под нудную сводку новостей. В этот момент раздался телефонный звонок. Я в сердцах выругался. Это была Нина. Оказывается, она знала и этот телефон.

– Родик! – спросила она. – Ты еще по мне не соскучился?

Я что-то, сдерживая зевоту, пробормотал в ответ.

– Ой! – воскликнула она. – Извини, я, кажется, тебя разбудила.

Я затряс головой, чтобы очухаться.

– Что ты! – бодрячком ответил я. – Просто ты оторвала меня от служебных бумаг.

– Ой, Родик, извини, – не без иронии проговорила она, видимо, не купившись на мое вранье. – Я и забыла, что ты у нас занятой и должен работать, чтобы мой папа платил тебе деньги. Это только я просто прожигаю жизнь.

Тон был игривым, но в последней фразе была капелька горечи.

Мы замолчали. Мне-то говорить и вообще не очень хотелось, и в отношении к Нине я не определился. Видел-то я ее всего два раза, а она уже вела себя со мной, как со старым знакомым. Может, действительно думала, что, если не проявит инициативу, то сам я ее искать не стану. Ведь игрушкой

дочери Олигарха я быть не собирался.

В этот момент позвонили в дверь. Что за наваждение такое сегодня, подумал я. По телефону меня вообще -то доставали часто. И по работе, и так. Но чтобы гости, да в такое время...

Я попросил Нину подождать. На пороге стояла Машка. Я ошарашенно на нее посмотрел и удивился – ведь у нее был свой ключ. А потом почему-то испугался. И стоял перед ней с виноватым видом, держа в руке открытый мобильник.

– Привет, Родион, – равнодушно сказала она, но не сделала никакой попытки зайти внутрь. – Прости, ты, похоже, занят. – И она показала глазами на телефон.

Я отрицательно покачал головой и сделал приглашающий жест.

– О чем ты говоришь, – сказал я. – Заходи. А я только договорю.

Машка как будто заколебалась, заходить или нет, но вошла, а я быстро смылся на кухню.

– Нина, извини, сейчас не могу разговаривать. Перезвони позже, – понизив голос, проговорил я.

– Это пришла она? Это был ее голос? – с любопытством спросила девушка, но мне послышалась и ревнивая нотка.

Я рассердился. Да какое твое, к черту, дело, кто ко мне пришел?

– Да, – ответил я, – пришла моя любовница.

И отключил телефон.

Машка сидела на моем месте на диване. По телевизору продолжали передавать какую-то ерунду.

– И кто она? – теперь уже Машка заинтересовалась моими связями с женщинами.

– Не будь душой, – довольно грубо ответил я. – Это звонили по работе.

– И поэтому ты ушел на кухню? – с сомнением протянула она. – Хотя какое мне, по сути, дело?

У меня в груди непроизвольно екнуло. Что она имеет в виду?

Машка грустно на меня посмотрела.

– Ты как был, так и останешься рассудочным эгоистом. – В ее глазах мелькнула злость. – А я пришла тебя порадовать. Аборт назначен на четырнадцатое, но надо сделать еще какие-то анализы. Я бы не стала к тебе обращаться, но на это нужны деньги. А их у меня сейчас нет.

Я протестующе замахал руками и с опозданием понял, что сделал это зря. Машка распалилась еще сильнее.

– Скотина! Обрадовался, что можешь от меня откупиться, чтобы трахаться со своей шлюшкой, – и обличающе указала на телефон.

По-честному, я тоже стал заводиться. Что они все, сговорились что ли? Или пятна какие на солнце высыпали?

Я в упор посмотрел на Машу, а глаза у меня на четверть дедушкины, и та чуть приутихла.

Мы молчали и просто смотрели друг на друга. Наконец,

она решила что-то сказать. Я остановил ее движением руки.

– Молчи! Не пугай тишину звуками, – сказал я. – А еще лучше просто останься.

Но Машка отрицательно покачала головой и ушла.

Я уже закрывал за ней дверь, когда она обернулась и проронила:

– У меня здесь нет зубной щетки. А твоей я чистить брежгую.

Последнее слово всегда остается за женщиной.

Когда на следующий день я шел докладывать о вчерашней встрече с Олигархом Тимуру, то не мог в глубине души не позлорадствовать. Кагановский реагировал совсем иначе, чем он предполагал. А было так. Я честно изложил Науму доводы своего начальника, явно демонстрируя, что это именно Тимура, а не мое мнение. И, как я и предполагал, Олигарх задал мне вопрос:

– Я вижу, Родион Николаевич, что вы не совсем согласны с Тимуром Арсеньевичем. Так что же по этому поводу думаете вы?

Я помялся, как будто собираясь с мыслями, хотя, в принципе, знал, что хочу сказать.

– Видите ли, Наум Яковлевич! Возможно, я не прав, но, с моей точки зрения, доводы Тимура Арсеньевича находятся в плоскости этики, а не бизнеса. Если бы он продолжал наста-

ивать, что проект рискован и мы можем потерпеть убытки, это одно, но говорить, что нельзя давать деньги, потому что есть подозрение, что клиент нечестно их заработал, глупо.

– Интересное рассуждение, Родион Николаевич. Значит, по-вашему, в нашем деле нет места традиционной человеческой этике? Я, конечно, утрирую, но получается, что для нас нормально, скажем, использовать и «кровавые» деньги? – глядя на меня с любопытством, спросил Олигарх.

– Извините, Наум Яковлевич, но такие рассуждения хороши для теледебатов, а не для реального бизнеса. Мы никого не грабили и не убивали. Уверен, что и владельцев «Сибирских дорог» не разыскивает милиция. А их деньги, между прочим, как, возможно, и наши, могут пойти на вполне достойное дело. И если оно выгорит, от этого выиграют все. Пирамиды в Египте строились на крови рабов, но история запомнила не их, а фараонов, – немного запальчиво ответил я. На Кагановского в этот момент я старался не смотреть, потому что чувствовал себя глупо. У меня было ощущение, что он разглядывает меня как костюм в витрине, который собирается купить.

– Так-так, молодой человек, – протянул он. – Значит, если я правильно понимаю вашу мысль, вы утверждаете, что в случае, если фирма «Сибирские дороги» не является действующей криминальной организацией, мы с ними можем продолжать иметь дело?

Я кивнул.

– Хорошо. Так мы и решим, – Олигарх, намекая на окончание разговора, встал. – Мы поможем сибирякам построить их дорогу. А вы, Родион Николаевич, все-таки поинтересуйтесь, нет ли на наших партнеров «живого» уголовного компромата. Это всегда может пригодиться. И, если что-то выкопаете, напрямую сообщите мне. Не беспокойте Тимура Арсеньевича. Достаточно и того, что у его жены повышенное давление.

– Нет проблем, Наум Яковлевич, – снова кивнул я и, попрощавшись, пошел к выходу.

– Родион Николаевич! – остановил меня Олигарх. – Я, кстати, должен поблагодарить вас за то, что вы развлекаете мою дочь. У меня на нее сейчас совсем нет времени.

Несмотря на его любезный тон, я слегка похолодел.

– Она любит клубнику со сливками, – сказал Олигарх и уткнулся в свои бумаги.

Нечего скрывать, итогом встречи я был доволен. Уважаемый мной, но нудный Тимур, кажется, получил по носу, а Олигарх без гнева отнесся к моим свиданиям с Ниной.

И вот теперь я стоял перед непосредственным начальником Тимуром Арсеньевичем и, приняв безразличный вид, докладывал о результатах встречи «в верхах». Тимур же плохо скрывал свое раздражение. Но сделать уже ничего не мог. Он оставил мой доклад без комментариев и лишь холодно кивнул, отпуская меня.

Вернувшись в свой кабинет, я вновь связался с пинкертонами.

Мне ответил Эдик, бывший хороший мент, которого за излишнюю принципиальность, как говорится, «вычистили». Мы как-то с ним встречались «без галстуков», и он мне рассказал свою типовую ментовскую историю, смысл которой заключается в том, что маленьким людям, вроде него, бессмысленно бороться с большими. Но смотрел он на все это с юмором. Работа в частном сыске ему нравилась, да и открывала она бóльшие, чем на первый взгляд кажется, возможности. Эдик как раз и был мне нужен. Это он тогда, по моему заказу, занимался проверкой «Сибирских дорог». И я сейчас обратился именно к нему с просьбой проверить их руководство на вшивость, на наличие каких-либо явных грехов, способных затруднить наши с ними взаимоотношения. Я пообещал неплохой гонорар, а Эдик довольно засмеялся:

– Считаю, что я его уже заработал. Ты, наверно, этого не знаешь, но мы всякий раз, выполняя задание, связанное с большим бизнесом, собираем намного больше информации, чем передаем заказчику. В вашем террариуме любой пустяк, а тем более компромат, стоит приличных денег. Естественно, занимаясь «Сибирскими дорогами», я поинтересовался и рыльцами членов правления фирмы. Не в пушку ли они? И ничего порочащего их репутацию не нашел. Может, только маленькое пятнышко. Есть у них там некий Виктор Юрьевич Долгов, который даже не входит в правление, простой

юрисконсульт. Как ни смешно, он единственный, кого можно как-то увязать с уголовными делами. И то при большом желании. В Красноярске несколько лет назад гремело громкое дело о квартирных аферах на миллионы баксов. Статья 159, часть 4. Мошенничество в особо крупных размерах, совершенное группой лиц. Так вот, Долгов выступал там свидетелем, а главным осужденным, получившим девять лет, был его двоюродный брат. Но в Красноярске вообще-то поговаривали, что тот подставная фигура. Участник, но далеко не главный.

Я поблагодарил Эдика и пообещал как можно скорее передать ему гонорар. А затем задумался. Быть свидетелем на суде не преступление, и я звонить Олигарху не стал.

Дома меня ждала Машка. Я почувствовал это по запаху жаркого, сбивающего с ног непосвященного в тайны Машкиной кухни ароматом специй. Но уже у двери запнулся. Я откровенно не знал, как мне с ней себя вести. Я был и рад, и не рад. По привычке приготовился балагурить. Но Машка была грустна и, видимо, недавно плакала. Я эгоистично испугался, что она сейчас закатит сцену по поводу меня и ребенка, но дело было в другом.

– Привет, Машка! – радостно, но с оттенком фальши воскликнул я. – Здорово, что ты вернулась.

Она кивнула в ответ, а я внимательно следил за ней, ожидая, что будет дальше.

– Что ты такая кислая? Случилось что? – провокационно спросил я, готовясь к потоку упреков.

Машка со злостью саданула своим маленьким кулачком по подлокотнику кресла.

– Меня прокатали с этой ролью в сериале. Режиссер не согласился, чтоб он сдох. Надо же, предпочел эту сучку Трокурову, – злобно сказала она и по-детски заплакала.

У меня отлегло, что проблема не во мне, и на удивление быстро внутри поднялась девятым валом волна совершенно искреннего гнева.

– Как прокатали? – негодуя переспросил я. – Да как они могли! Тебе остальные актриски и ноги мыть не достойны.

Машка криво улыбнулась и благодарно на меня посмотрела.

– Ладно, – вяло произнесла она. – Переживу. Мне все равно сейчас не до этого. Пойдем лучше кушать.

Я достал коньяк, и мы, сидя за столом, провели далеко не самый веселый вечер. И почти не разговаривали. Я еще как-то пытался ее утешить, но она только отмахивалась. А зная ее характер, я со своим сочувствием боялся перегнуть палку. Очевидно, ей просто было нужно время, чтобы успокоиться и собраться с силами. А что это вскоре произойдет, я не сомневался. И тогда, киношники, поберегитесь.

А так Машка, похоже, вернулась ко мне основательно. Во всяком случае, ее вещи были расставлены по обычным местам. Она по-прежнему стала исчезать по утрам по своим

делам, а я, аккуратно повязав галстук, ходил на службу. Ни она, ни я не обсуждали тему ее беременности, но оба с опаской ждали момента, когда она пойдет на «чистку», аборт то бишь.

В один из дней на работу позвонила Нина. Звонить мне домой она, видимо, уже не решалась.

Мы обменялись парой вежливых фраз, а потом она извиняющимся тоном и, подчеркнуто называя меня на «вы», сказала:

– Родион! Вы меня простите уж, что я тогда этим звонком неловко влезла в вашу личную жизнь. Это было просто девчачье любопытство.

Я, по-честному, не сильно-то и обиделся и сам собирался набраться духу и позвонить, но теперь, благодаря ее звонку, даже получил позиционное преимущество. Она набрала мой номер первой.

– Да что вы, Нина Наумовна, – съехидничал я. – Вам не о чем беспокоиться. Моя, как вы тогда выразились, любовница просто от меня ушла. А так все хорошо.

Я, понятное дело, говорил ехидным тоном, но ее реакция меня слегка поразила.

Вначале была пауза, и я телепатически чувствовал, что Нина в ответ на мои слова начинает обижаться, но потом что-то изменилось, и она переспросила с любопытством:

– Что? Она и вправду ушла?

Если б я стоял, то так бы и сел. Эта девчонка влюбилась

в меня, что ли?

Я молчал в трубку, не зная как реагировать. Надо было бы отшутиться, но чувство юмора почему-то оставило меня. Тем более что Нина своим вопросом, не подозревая, поскребла по больному.

– Родион! – как ни в чем не бывало, продолжала она уже на «ты». – Расслабься. Твоих женщин я у тебя не отбиваю, да и не знаю, как это делается. Но мне сидеть одной скучно. Может, пойдем снова в кино? Я тебе куплю жвачку, если захочешь. А будешь хорошо вести, то и пиво.

Глупо сознаваться в собственной непоследовательности, но я был рад ее предложению и согласился.

И снова у нас было легкое, бездумное, романтическое, если хотите, детское свидание, чуть омрачаемое надзором конвоя. И снова она поцеловала меня на прощание. Но в этот раз в губы. Поцелуй был совершенно мимолетен, но ее язычок эротично скользнул по моим губам.

– Спасибо, Родик, – сказала она, глядя насмешливо и чуть блудливо. – Скажи мне, только не ври, тебе не мешает то, что мы все время окружены людьми? Ты не чувствуешь себя участником первомайской демонстрации?

Я рассмеялся, но ничего не ответил. Пусть договаривает сама. А Нина замялась. Мяч остался на ее площадке. Наконец, она решилась.

– Знаешь, Родик, у меня в Москве тетка, и она уехала в Индию. И оставила квартиру. Ты не хочешь поужинать там

со мной?..

Нина невольно покраснела и сама на себя за это рассердилась.

– Ни на что, кстати, не рассчитывай, – строго сказала она. – Я просто хочу познакомить тебя с одним человеком.

Зачем же так явно врать, подумал я, и какая-то котяра мурлыкнула у меня внутри. Хотя, кто был, если вообще был, этот «один человек», было бы, конечно, интересно узнать. Надеюсь, не муж. Не люблю прыгать с балкона.

Тетка Нины жила в районе Тверского бульвара, в тех известных домах из прошлой жизни, которые превратились в современной Москве в «золотых тельцов». Я ожидал увидеть что-то супернавороченное, но это была просто большая, старая, но ухоженная и небедная квартира. И если бы я не был корнями из деревни Косой Луг, а, скажем, потомком мелкопоместного дворянина, то вполне мог бы почувствовать себя в ней как гимназист, пришедший навестить свою бабушку, бывшую оберфрейлину.

Нина, похоже, готовилась к моему приходу. На красиво накрытом столе горели две свечи, аппетитно пахла свежая зелень, а взгляд невольно скользил по вазочкам с какими-то салатами. Из кухни же возбуждающе неслись запахи запекающейся курицы.

– Что ты будешь пить? – на мгновенье прижавшись ко мне, спросила Нина.

Я вообще-то выпил бы водки, но не рискнул в этом сознаться, и поэтому просто пожал плечами.

– Что нальешь, – ответил я. Но Нина меня удивила.

– Самогонку будешь? – поинтересовалась она.

Я вытаращил глаза. Я вовсе не был противником этого напитка. Даже наоборот. Сделанный мастером своего дела, он был вполне конкурентоспособным пойлом. Но вот уж на что в этом доме мне не приходило в голову рассчитывать, так это на него. Я-то настроился пить какую-нибудь фирменную политуру вроде «Божоле» или «Шартреза». Но все-таки у меня хватило ума не выпендриваться и согласно кивнуть. Я уже открыл рот, чтобы задать логично вытекающий вопрос, но Нина меня остановила.

– Молчи. Не спрашивай. Сама объясню. Моя тетка – интеллигентнейшая женщина из породы ископаемых. И такие же у нее подруги. Как на подбор или старые девы, или разведенные, как она. В этой квартире они привыкли собираться вечерами и вести утонченно интеллектуальные беседы, от которых у нормальных людей начинает сводить скулы. А тетка, в общем, по характеру не совсем такая, как ее товарки. В ней всегда жило озорное начало. И, в конце концов, она по своему проявила протест против опостылевшего ей образа жизни: начала гнать самогон. И достигла в этом высот. Незря же она получила обширное академическое образование. А потом на основе самогона стала делать настойки. Да еще какие. И, честно говоря, и папа, и даже я не отказываемся

выпить по рюмке, так это здорово. А теткинны подружки разбежались, когда узнали, что она самогонщица, да еще и сама влегкую поддает.

Я пригубил настойку в ее смородиновом варианте и понял, что Нининой тетке цены нет.

Нина искренне обрадовалась, что мне понравилось, и мы сели за стол. Я не очень помню, о чем болтали, наверное, о пустяках, но было славно. Красивая девчонка, вкусная еда и умопомрачительная настойка. Чего еще надо? Мы оба немножко захмелели, и я уже был в стадии рассказа какой-то дежурной истории из своего репертуара и сложных размышлений о том, как далеко я могу зайти с Ниной в отношениях. То, что она была не против, до меня дошло, как дошло и то, что и я сам очень-очень не против. Но все-таки она была дочь Олигарха...

Мы уже ополовинили бутылку, когда раздался звонок в дверь.

– Ой, это он, – пискнула Нина.

Я удивился. Я не очень поверил, что она хочет меня с кем-то познакомить. Думал, это просто женская уловка, чтобы заставить меня вести себя сдержаннее.

Из прихожей слышалась какая-то невнятная речь. Но, хотя слова было не разобрать, интонации выдавали, что это встреча старых знакомых.

– И где же он? – так перевел я себе услышанную в конце разговора неразборчивую кашу слов.

В комнату вошла Нина в сопровождении мужчины, смутно показавшегося мне знакомым. Он был немолод, небогато одет в нечто из старых добрых советских времен и китайского рынка. Так, как до сих пор еще одевались многие. Типичный живущий на пенсию непродвинутый инженер или учитель. Еще его сильно портили очки, одна из дужек которых была замотана изоляционной лентой. Такого атавизма я не видел давно. Он внимательно меня разглядывал, скорее, сканировал своими пытливыми и умными глазами. А меня мучил вопрос, почему он мне кажется знакомым. И вдруг у меня отвисла челюсть. Мама дорогая. Это же был Олигарх. Папочка инкогнито пришел проведать дочечку. Родик, срочно проверь штаны на застегнутость и испачканность.

Наум увидел выражение моего лица и добродушно улыбнулся. Он, похоже, пришел с миром.

– Удивлены, Родион Николаевич? – вместо приветствия спросил он. – Не обращайтесь внимание. Нельзя же человеку все время быть под присмотром охраны. – И он притворно всплеснул руками. – Я ведь тоже должен иметь свободу. Вот и придумал маскарад. Когда я в таком костюме, никому и в голову не придет, что рядом, в том же вагоне метро, – Олигарх соорудил важную мину, – как простой смертный едет тот, кого пылко ненавидит значительный процент дор-р-рогих россиян. То есть тысячи, если не миллионы, обывателей, несправедливо считающих, что я их ограбил, и сотни намного более опасных их соотечественников, обиженных тем, что

я не хочу с ними делиться.

«Гарун-аль-Рашид гребаный», – подумал я, а вслух произнес:

– А может, все-таки вы зря так развлекаетесь. Не дай бог, нарветесь на неприятности.

Но Олигарх отрицательно покачал головой и, по-хозяйски подойдя к серванту, вытащил оттуда рюмку. Он подошел к столу и всем налил настойку.

– Не берите себе в голову, Родион Николаевич, – сказал он. – Охрана и сумасшедшие деньги, которые я на нее трачу, это во многом дань традиции, если хотите, символ высокого положения, как и неприметные, но очень дорогие часы, оставшиеся на моей руке. А в реальности, если кто-то серьезный по-настоящему захочет меня убить или похитить, то он своего добьется. И никто и ничто не поможет. Охрана существует скорее, чтобы отпугивать обыкновенных, хотя иногда и опасных ненормальных. А в таком виде, – Намум показал на свой прикид, – я защищен лучше, чем в бронированном автомобиле. Я в нем обыкновенный, такой, как многие, незаметный человек. Даже мои собственные охранники меня не узнают. Хотя меня каждый раз огорчает, что приходится их дурить. А переодеваться я езжу в дом к одной даме, которую охрана считает моей любовницей и бдительно стоит на страже в течение моего отсутствия. Хотя владелица квартиры – моя древняя подруга по институту, с которой у меня никогда ничего не было. Но, возможно, она единствен-

ный человек, кроме Ниночки, которому в этой жизни я могу доверять. Она помогает мне устраивать этот маскарад, но всегда поднимает на смех, когда я, как она выражается, «иду в народ». Однажды она в насмешку даже купила мне накладные усы и пыталась их наклеить.

Он засмеялся, и я подхалимски подхватил его смех, а затем развеселился по-настоящему. Я представил Олигарха с усами, как у Бармалея, и понял, что в таком образе он вряд ли бы остался незаметным и наверняка запечатлелся бы в памяти окружающих.

Вопреки ожиданиям Наум не испортил нам вечер. Или, точнее, не испортил застолье. Олигарх, несмотря на свое автоторожное образование, видимо, прошел хорошую школу дипломатии. Он умело поддерживал разговор, к месту задавал незначительные, легкие к ответу вопросы, охотно смеялся моим и Нининым шуткам. Меня ни в какие откровенные разговоры не вовлекал, как и не касался работы фирмы. В итоге мы с аппетитом съели курицу, уговорили бутылку настойки и побаловались каким-то десертом. Но вечер все-таки пропал. Олигарх посмотрел на часы и засобирался.

– Вы тоже уходите, Родион Николаевич? – обратился он ко мне, с любопытством ожидая моего ответа.

Я мысленно выругался. Конечно, придется уйти. Куда же я денусь.

– Да, Наум Яковлевич, – фальшиво улыбаясь, ответил я. – Мне тоже уже пора. Если хотите, могу вас подвезти.

– Нет уж, нет уж, – протестуяще замахал руками Олигарх. – Не будем давать Нининой охране повод задаваться вопросом, почему владелец дорогой иномарки подвозит такого, как я. Вы не похожи ни на бомбилу, ни на деда Мороза.

И он пошел надевать крутку, а мы с Ниной остались за столом. И мне было почему-то ужасно обидно уходить. Но, клянусь, это было не просто разочарование мужика, которому не обломилось потрахаться с девчонкой, а что-то большее. Нина насмешливо на меня смотрела.

– Что, Родион Николаевич, вы сегодня в пролете? – спросила она. Я усмехнулся. Нинка все больше меня удивляла. Умная зараза. И откровенная. А она, как будто читая то, что происходит у меня в голове, продолжала:

– Не расстраивайтесь, Родион Николаевич. Не все еще потеряно. Вечер прошел не зря. Вы, кажется, понравились папе.

О-ля-ля, так это, оказывается, были смотрины. Подбор племенного бычка.

По дороге домой я злился, хотя было и... смешно. А потом успокоился. Если захочу, никуда Нинка от меня не денется. А дома у меня есть другая. Моя Машка. И никакое воздержание мне не грозит.

Но все произошло не так, как я предполагал. Машка выглядела испуганной. Она сказала, что у нее боли в нижней части живота. Я тоже перепугался. Не хватало только, чтоб у нее случился выкидыш и она закровила прямо тут. Не слу-

шая возражений, я схватил ее в охапку и потащил в больницу.

В приемном отделении царило мертвое спокойствие. Никто никуда не торопился и на больных внимания не обращал. Это раздражало. Хотя, по-честному, мы могли бы и подождать. С Машкой, похоже, никакой драмы не было. Еще в машине она сказала, что боли стали меньше, но больничный люд, скрывающий за видимостью занятости свое безделье, этого не знал и ничуть не беспокоился по поводу беременной женщины с внезапной болью. А я, во-первых, принял смородиновой настойки, а во-вторых, что намного хуже, у меня произошел двойной облом с бабами. С Нинкой из-за ее папаша, с Машкой по состоянию здоровья. У меня в крови было очень много адреналина. Не хочу вдаваться в подробности, но, когда я увидел, что сотрудники, мягко говоря, не торопятся подойти к Маше, я «немножко» возбудился и «слегка» их пожурил. Но в милицию они звонили зря. У лейтенанта, отличного мужика, тоже, как оказалось, была беременная жена. В итоге пулей прилетевший доктор осмотрел Машенцию по всем правилам пропедевтики внутренних болезней. И, слава богу (для доктора тоже), ничего опасного не нашел. Просто цистит. От этого не умирают. Но облом все-таки остался обломом.

Через несколько дней меня вызвал Тимур. Наши отношения с ним за эти дни сильно подпортились, хотя до явного

конфликта дело не доходило. И я даже не понимал почему. Я имею в виду испорченные отношения, а не конфликт. В конце концов, никакой драмы в том, что наши мнения не совпали, не было. Хотя, если по-честному, в данном случае он мог решить, что я действовал через его голову. И в какой-то степени был прав. Раньше-то мы, как правило, пели дуэтом. А тут волею обстоятельств возник расклад, что он оказался и против меня, и против Олигарха.

Но когда Тимур заговорил, я понял, что все даже хуже, чем я предполагал.

– Мне звонил Нёма и просил, чтобы я послал тебя к нему. Так что в два ты должен быть на Трубной.

Я не понимал, какого лешего Олигарху от меня надо. С Ниной после той встречи я только раз целомудренно посидел в кафе, а в делах фирмы Тимур и так вполне справлялся с обязанностями босса. Вот уж чего я меньше всего хотел, так того, чтобы он почувствовал себя выброшенным за борт. А именно так он, похоже, себя ощущал. И это ему любви ко мне не прибавляло.

Но встреча с Олигархом меня ошаршила. Едва мне кивнув, он спросил:

– А кто такая Мария Пономаренко, Родион Николаевич?

Я даже не сразу понял, о ком это он. Что Машкина фамилия Пономаренко, я вообще позабыл, и вначале судорожно начал вспоминать поименно женщин среди сотрудниц или клиенток.

– Затрудняетесь, Родион Николаевич? – чуть издевательски переспросил Олигарх. – Маша Пономаренко. Вспомните же. Девушка, с которой вы живете.

Я вылупил глаза. При чем здесь Машка?

Наум заметил мое удивление и более спокойно продолжил:

– Вас удивил мой вопрос, любезный Родион Николаевич? Так я вам объясню. Я вполне современный человек, а моя дочь – совершеннолетняя и тоже вполне современная девушка. И, тем не менее, меня смущает возникшая между ней и вами ситуация. Я не вникаю в подробности, до какой степени близости вы успели дойти, но она – моя любимая дочь, и я считаю своим долгом оберегать ее от глупых и поспешных поступков. И вижу зарождающуюся проблему. Если бы вы просто понадобились ей на раз по зову природы, то меня это ни капельки бы не взволновало. Максимум, я бы от вас откупился. Но вы, к сожалению, ей нравитесь чуть сильнее, чем мне бы хотелось, и это начинает меня беспокоить.

Я столбом стоял перед этим очень-очень большим начальником и не знал, как себя вести. Хотелось просто послать его на три буквы, но такого я себе позволить не мог.

А тот вдруг потерял свою монументальную значительность. Напротив меня сидел обеспокоенный, вытирающий со лба пот немолодой мужчина, отец очаровательной девушки, которую он безуспешно пытается оградить от коварных хищников мужского пола.

Но все-таки он не зря был Олигархом. Размякшие было черты лица вдруг снова затвердели.

– Эта Маша – ваша невеста? – спросил он.

Я отрицательно покачал головой, но, видимо, сделал это с опозданием.

– То есть вы не собираетесь на ней жениться? Да? – прикидываясь дурачком, полуутвердительно проговорил Наум.

Я не понимал, куда он клонит.

– А что там, извините за любопытство, говорят ее гинекологи? – чуть издевательски поинтересовался он.

Твою мать, пронеслось в голове. Он знал и это. И сейчас самое главное было не вспылить и не наговорить глупостей. Он же деловой человек. И я тоже.

– Маша Пономаренко – замечательная, красивая женщина и талантливая актриса, – осторожно начал я казенным тоном. – И я не желал бы другой спутницы жизни...

Я не сомневался, Олигарх заметит, что я говорю в сослагательном наклонении.

... – Но о заключении брака мы никогда не думали, – соврал я, – потому что ни она, ни я не были уверены, что готовы связать друг с другом жизнь навсегда. К сожалению или радости, Маша забеременела, если вы, Наум Яковлевич, имели в виду это, когда спросили про гинекологов, но по определенным причинам эта беременность нежелательна для нас обоих.

Олигарх кивнул. По его лицу было трудно понять, как он

относится к моей речи. Я продолжал:

– Это была случайность. Ребенок в наши планы не входил и не входит. Тем более что Маша должна начать сниматься в сериале.

Олигарх приподнял брови.

– Может, вы и не в курсе, Родион Николаевич. Но вашу девушку на роль не взяли. Хотели, но не взяли.

Вот хитрая сволочь, и это знает, подумал я и, сделав удивленное лицо и стараясь сохранить спокойствие, продолжил:

– Она мне этого еще не говорила, но, даже если и так, это не может повлиять на ее решение прервать беременность. Есть и другие сериалы. – И я запнулся, не зная, что говорить дальше.

Олигарх удовлетворенно кивнул.

– Достаточно, Родион Николаевич. Можете не продолжать. Мне все понятно. Вы – обыкновенный сукин сын.

Я нахмурился. Я, конечно, дорожу своим местом и карьерой, но кто ему дал право меня оскорблять? Но Наум с усмешкой жестом руки приостановил назревающий взрыв.

– Расслабьтесь, Родион, – спокойно проговорил он. – И не прикидывайтесь целкой. То, что вы мне сейчас в несколько завуалированной форме сказали, в переводе на обыкновенный русский означает простую вещь: у меня есть баба, но, если надо, я ее брошу. И в моих словах ничего обидного для вас нет. Может, только констатация факта. Что же касается моего отношения к этой истории, то если вы действительно

не собираетесь на этой девушке жениться и не планируете ребенка, то никаких убедительных причин в вашем дальнейшем проживании с ней я не вижу. Кроме любви. Но если нет и ее... А дальше решайте сами. Это не мое дело. Мое дело – Нина. И вот по этому поводу я вам совершенно четко заявляю. – Олигарх, как борец перед схваткой, повел плечами: – Я не позволю просто так кружить ей голову, хотя, ради Нины, и не против ваших встреч. Единственное условие, на котором я настаиваю, это прекращение романа с Машей. Каким образом, меня не волнует. Но я считаю, что вы должны это сделать максимально интеллигентно и тактично. Или, если хотите, хитро, чтобы она решила, что сама уходит от вас. Я не хочу, чтобы вы увязли в скандалах, и, не дай бог, в это оказалась вовлечена Нина. Продолжайте, если хотите, встречаться с дочерью, но расстаньтесь с Машей. Я даю вам время. А чтобы госпоже Пономаренко не было совсем уж кисло, я обещаю, что ее все-таки возьмут сниматься в сериале.

Ай да Олигарх. Ай да сукин сын. Расставил-таки фигурки. Я достаюсь Нинке (однозначно), Нинка – мне (не факт), а Машке – сериал (без комментариев). Хорошо быть богатым!

Олигарх в упор разглядывал меня, ожидая моей реакции. Но я молчал. А молчание можно расценивать как угодно, и те, кому это удобно, принимают его за согласие, хотя это вовсе не обязательно так. И Олигарх, подождав достаточное, с его точки зрения, время, кивнул и с непонятной грустью философски произнес:

– Родион Николаевич! Вы умный человек и сами держите судьбу в своих руках.

Он подошел к бару и налил нам обоим виски. Аудиенция была закончена.

После этого мне ужасно не хотелось возвращаться на работу. У меня мелькнула было шальная мысль плюнуть на все и завалиться к приятелю Борьке, но в последний момент я удержался. Борька был еще одной странной фигурой в моей жизни. Полудруг, полувраг. Он был художником, и в это время обычно торчал в своей студии. Ничто не мешало поехать к нему и выпить. У его гостей других вариантов не было. Но я не любил с ним встречаться. И года три у него не был. Выпив, он становился мрачен и болтлив, начинал заниматься самокопанием, а заодно копал и закапывал своих приятелей, и меня в том числе. Делал это виртуозно и очень убедительно. В итоге всегда приходил к выводу, что я – сволочь. А потом мы лезли в драку и прилично друг друга метелили. Затем пили снова и звали телок. Но сегодня было не то настроение. Меня уже и так успели назвать сукиным сыном, и за сволочь я уже мог бы и убить. Да и на работе после такого активного отдыха пришлось бы придумывать, что попал в аварию.

Но, наверное, лучше было бы подраться с Борькой, а не возвращаться в офис. Потому что первым делом я попал на ковер к Тимуру. Он требовал доклада о встрече с Олигар-

хом. Поначалу даже не хотел верить и понимать, что мой визит к Науму никак не был связан ни с делами фирмы, ни с ним самим. В конце концов, у меня не оставалось выбора, как терпеливо объяснить перевозбуждившемуся Тимур, что разговор шел о Нине, и только о ней. Правда, я не вникал в подробности. Но сумел объяснить, что речь о его опале пока не идет, и он с трудом пытался скрыть свою радость. Тимур резонно полагал, что за Нину я получил нахлобучку, и, лицемерно изобразив сочувствие, но в то же время с явным злорадством произнес:

– Родик! Я же тебе намекал. Надо быть осторожнее. Не по Сеньке шапка.

А потом перешел на деловой тон.

– Звонили из «Сибирских дорог». Подготовь документацию. Послезавтра у нас встреча, будем подписывать соглашение.

С ощущением, что меня совсем затюкали, я вернулся в кабинет. Послезавтра – это уже скоро, и значит, у меня будут очень напряженные дни. Я протянул руку к интеркому, чтобы вызвать Генриетту, но в это время зазвонил телефон. Это была Нина.

– Здравствуйте, разлюбезный Родион Николаевич! – игриво начала она, но я не поддержал ее тон.

– Привет, Ниночка! – прохладно ответил я. – Извини, мне сейчас не очень удобно разговаривать, да и в ближайшие дни будет по горло работы.

Я почувствовал, что Нинка обиделась.

– Да? – сказала она. – А я-то хотела опять позвать тебя в гости к тете. Но если ты не можешь...

Я выругался, прикрыв трубку ладонью руки. Вот незадача!

– Ниночка! – уже мягче заговорил я. – Я бы с удовольствием, но, боюсь, мне сегодня придется сидеть допоздна.

Я услышал усмешку на том конце провода.

– Ты, кажется, считаешь, что я смотрю передачу «Спокойной ночи, малыши» и после ложусь спать, – засмеялась она. – Приходи, когда освободишься, дуралей, но сегодня обойдешься без курицы на гриле и зажигания свеч. Можешь рассчитывать на «смородиновку» и бутерброды.

Я совсем не был уверен, что поступаю правильно, но согласился.

– Я приду после девяти. Тебя это устроит? – проговорил я в ответ.

Возня с бумагами меня отвлекла, но и утомила. Наконец я почувствовал, что на сегодня хватит, и со спокойной совестью могу доделать остальное завтра. Посмотрел на часы. Батюшки-светы, было уже четверть десятого, а я даже не удосужился позвонить Нинке. Я уже не говорю о Машке. С той-то было проще. Она знала, что я иногда возвращаюсь поздно, и ужасно ревновала, когда справедливо, а когда и нет, но терпела. Мелкие же разборки со случайным битьем посуды

в счет не шли. Кстати, обычно я ей звонил и под каким-то более или менее правдоподобным соусом предупреждал, что задерживаюсь.

Я набрал домашний номер. Телефон долго не отвечал, и я уже подумал, что это ей, а не мне надо оправдывать поздний приход, но, наконец, услышал ее голос.

– Машенция! – сказал я усталым тоном очень занятого человека. – Я тебе не говорил, не с руки было, но у меня здесь совершеннейшая запарка. Мы срочно влезает в грандиозный проект, который курирует сам большой босс. А документацию поручили готовить мне, как будто не могли найти кого-нибудь помоложе. – Я добавил в голос обиженные нотки. – И вот до сих пор сижу с бумагами и глушу кофе вместо того, чтобы быть дома рядом с тобой.

Возникла пауза. Я живо представил, как Машка на том конце трубки сидит и размышляет, насколько мне можно верить, а я даже и не врал. И поэтому она, может, и не полностью, но на эту туфту купилась.

– Не прибедряйся, Родион, – ответила она. – Не прикидывайся несчастненьким. Это на тебя не похоже. Ты сам рвался наверх и старался стать незаменимым, так теперь за это и расплачиваешься.

Она помолчала, а потом вдруг по-бабски подозрительно спросила:

– А ты часом не брешешь? С тебя станется.

Тон моего ответа был невозмутим.

– Машка, я звоню с мобильного, но рядом рабочий телефон. Хочешь, перезвони на него.

Мое сверхчувствительное, прижатое к телефонному аппарату ухо почувало, что там вдали волнение на море стало утихать. Цунами прошло стороной. И Машка действительно буркнула:

– Ладно. Это я пошутила. Но ты все-таки там не перерабатывай.

Закончив разговор, я тут же стал звонить Нине.

– Ниночка, – извиняющимся голосом сказал я, – я даже не знаю, как мне просить у вас прощения.

И снова, как и в предыдущем разговоре, возникла пауза, правда, несколько напряженная. Дурак, выругал я сам себя. Ведь она подумала: я позвонил так поздно, чтобы извиниться, что не приду. И я сбивчиво залепетал:

– Ниночка! Я, не поднимая головы и не замечая времени, как придурочный, просидел с бумажками и только сейчас понял, что и опоздал, и не позвонил. Но если ты не очень сердисься и не ложишься спать, я буду рад приехать.

Нина довольно долго не отвечала. Мое опоздание и этот звонок явно ей не понравились, но все-таки я услышал:

– Приезжай.

Я купил шампанское и самый дорогой букет цветов, какой нашел. Нинка была в каком-то простеньком коротеньком домашнем платице, знаете, из тех, которые нравятся мужчинам своей способностью обнажать женщин в неожиданных,

но очень привлекательных местах. Она обняла меня за шею и легонько дружески чмокнула в щеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.